

АЗБУКА ВЕРЫ

Посмертная жизнь души. Беседы современного богослова

Посмертная жизнь души. Беседы современного богослова

Проф. А.И. Осипов

- О вечности (Заметки о последней книге А.И. Осипова) игумен Нестор (Кумыш)
- О тех, кто жив иной жизнью
- Ешь, пей, веселись, душа моя?
- Понимание смерти у древних народов
- А что общее?
- «Я в аду!..»
- Какое тело было у человека до грехопадения?
- Последствия прародительского греха
- Где пребывает душа в первое время после смерти тела
- Что могут усопшие сообщить живым
- «Земные вещи принимай здесь за самое слабое изображение небесных»
- Посмертный экзамен на добро
- И экзамен – на зло
- Соединяемся с Духом Божиим или с демонами-мучителями
- «Страсти в тысячу раз более сильные, чем на земле...»
- Подобное соединяется с подобным. Сила покаяния
- Мы свободны творить добро и зло
- Как правильно молиться об усопших
- Побудь хотя бы сорок дней христианином
- Геенна
- Что нас ждет на Страшном Суде?
- «Христос – спаситель всех человеков...»
- На милость Божию
- Вопросы о вечности

О тех, кто жив иной жизнью

Кто не наблюдал в Пасху, как вереницы людей тянутся на кладбища, на родные могилы? И хотя этот обычай – вместо храма в Светлое Христово Воскресение идти на кладбище – утвердился в советские

времена (у православных есть особый день пасхального поминовения усопших – Радоница), знаменательно, что почему-то и люди не церковные стремятся помянуть своих усопших именно в светлые дни победы над смертью. Им хочется верить, что родные люди остались с ними, что они живы.

Все они конечно же живы – но живут иной жизнью, не той, которой живем мы с вами сейчас, но той жизнью, к которой мы придем в свой срок, да и все рано или поздно придут. Поэтому вопрос о той – иной – жизни, которая является жизнью вечной и которую мы празднуем, отмечая Пасху – Воскресение Христово, особенно близок для нас, он касается не просто нашего ума, но, может быть, в большей степени касается нашего сердца.

Близко нашему сердцу и хорошее слово, которое звучит в храме, – «*усопшие*». Слыша его, хочется думать не о конце, а о некоем сне. Как же это слово отлично от той терминологии, которую мы слышим вне церковных стен! И конечно же всегда возникает вопрос: а что там?! Нет таких людей, которых бы это не интересовало.

Что происходит с человеком, когда он умирает? Что бывает после отделения души от тела? Конечно, мы имеем некоторые представления и часто даже соблюдаем православные традиции. Принято, например, поминать усопших на 3-й день, на 9-й, на 40-й. Но о том, что именно происходит в эти периоды, у многих, даже церковных, людей представления весьма приблизительные. Слышали мы, что каждый человек проходит по мытарствам. Но что это такое? Ведь наверняка это нечто иное, чем описания, которые мы можем почерпнуть в популярных брошюрах...

А еще более серьезный вопрос: кто спасается? И что значит «спасается»? Спасаются ли одни христиане, только православные? А из православных лишь те, которые жили праведно? То есть спасается только какая-то одна сотая или тысячная доля процента человечества, а все прочие люди погибают? А какой мучительный, самой жизнью поставленный вопрос: спасутся ли или погибнут навечно все те, кто по каким-либо причинам (например, по историческим, психологическим, каким-то- другим) не смог принять христианство? А вот еще один вопрос, который возникает, когда мы прикасаемся к теме посмертного состояния души: что такое геенна и

вечные муки? Они действительно вечные, в смысле – бесконечные? Как сочетать: с одной стороны – предведение и любовь Божию, которая превосходит всякое человеческое разумение, а с другой – наличие вечных мук?

Вот какие интересные стороны, оказывается, у очень простого на первый взгляд факта поминовения усопших. На самом деле тема жизни души после смерти глубоко таинственна и неисчерпаема. Мы коснемся здесь лишь некоторых, отмеченных выше ее аспектов, которые, по-видимому, небезынтересны для очень многих.

Ешь, пей, веселись, душа моя?

Вероятно, многие помнят евангельскую притчу – о человеке, у которого удался необычайно богатый урожай. По-видимому, он и до того жил неплохо, но на сей раз, ввиду особого изобилия урожая, стал рассуждать, что ему делать с таким богатством. И решил – ни больше ни меньше – как сломать свои старые житницы, построить новые и после этого зажить как следует. Ешь, мол, пей, веселись, душа моя [1]!

Очень красноречиво сказано! Действительно, о чем только и мечтает человек в течение всей земной истории? О том, как бы дожить до такого состояния, когда можно будет сказать своей душе: ешь, пей, веселись, всего у тебя полно!

Но чем завершаются эти мечты богача? С ним происходит то, о чем он (как, можно сказать, и все мы) не думал и думать не хотел. Бог произносит суд о нем: *«Безумный! В сию ночь душу твою возьмут у тебя»* (Лк. 12:19). Не просто сказано: ты умрешь (и это было бы страшно), но – **возьмут** (по-церковнославянски выражено точнее: *«истяжут»*) душу твою. И дело даже не в том кратком промежутке времени (*«в сию ночь»*), который отделил мысли и мечты этого богача от момента, когда душу *истягнули* из его тела. Этот момент для нас может быть измерен каким-то более или менее долгим промежутком времени: часами, днями, месяцами, годами. Но на самом деле все это – миг. Ведь каждый из нас прекрасно осознает, что его предшествующая жизнь прошла как сон – не важно, сколько ему сейчас лет – 20, 40, 60, 90. Время – это какая-то удивительная, странная, я бы сказал, вещь: кажется, и есть оно – и в то же время

нет его. Недаром еще древние греческие мудрецы говорили: настоящего нет, так как оно моментально проходит, прошедшего не существует, поскольку оно уже прошло, будущего нет – поскольку оно еще не наступило. А что же есть, что наступит для нас за миг земной жизни?

Увы, приговор евангельскому богачу: *«истяжут душу твою»* – произносится над всеми теми, кто смысл своей жизни видит только в одном: ешь, пей, веселись, душа моя.

Но смысл жизни может и другим быть. Тогда, по-видимому, и смерть будет носить иной характер. Но что такое смерть? Этот вопрос неотвратимо приходит к каждому человеку. Особенно, когда уже сам возраст напоминает об этом. Но очень часто он встает и в молодости.

Из-за невозможности найти на него ответ нередко возникают трагедии. Сейчас очень много случаев, когда люди кончают жизнь самоубийством – именно из-за кажущейся им бессмысленности жизни. Причем самоубийства охватывают все возрасты начиная с самого юного – среди самоубийц есть даже дети 10, 11, 12 лет, а порой и того меньше. Это поразительное явление сейчас наблюдается и в России, и за рубежом. Например, в Соединенных Штатах около 1,5 процента всех смертей – самоубийства.

Понимание смерти у древних народов

Так что же такое – смерть? Все народы об этом задумывались. Все религии об этом говорят. Конечно, каждая по-своему.

Если обратимся к истории дохристианского религиозного сознания, то увидим множество различных вариантов описания смерти. Но надо сразу сказать – то учение, которое по этому вопросу имеется в христианстве, никогда и нигде не встречалось прежде – ни в религиозно-философских построениях, ни в религиозном сознании.

Что же говорили о смерти наши далекие предки?

Особенно интересны представления египетской религии. Уже в египетской **«Книге мертвых»** (ее название буквально переводят как *«приход из дня»*), которая была написана около 2000 года до нашей эры, мы находим много размышлений, молитвенных возношений богам о том, какой будет видеть себя душа *там*, что с ней станет.

Душа взывает к богам, взывает к духам – взывает с тем, чтобы не оказаться в таком положении, когда она может подвергнуться каким-то тяжелым ударам, страданиям, бичеваниям, то есть оказаться в состоянии еще худшем, чем сама смерть. Ибо вот какой страшный приговор объявляет бог Гор осужденным: *«Грозные мечи покарают ваши тела, ваши души будут истреблены, ваши тени – истоптаны, а ваши головы – изрублены. Не восстанете! Будете ходить на голове! Не подниметесь, ибо попали в свои ямы! Не убежите, не уйдете! Против вас – огонь змея, «Того – Который – Сжигает – Миллионы»! [...] Они [богини с ножами] зарежут вас, расправятся с вами! Никогда не увидят вас те, кто живет на земле!»* Но, согласно этой книге, душа может и спастись и стать как бы божеством [2].

Нечто подобное мы видим и в тибетской **«Книге мертвых»**, которая, правда, имеет значительно более позднее происхождение – она была записана где-то около VIII века нашей эры. Здесь мы видим другие мотивы, которые навеяны буддистским, а вернее сказать, брахманистским индуистским учением. Смерть рассматривается здесь как ступень в эволюции или, напротив, деградации души, выражающихся в соответствующей форме перевоплощения. По одному из буддистских сказаний, Будда перевоплощался 215 раз и кем только не был (кроме, правда, женщины), прежде чем наконец стать озаренным. Здесь тоже присутствует идея, если хотите, своеобразного спасения от смерти – однако не просто мифологическая, как в «Книге мертвых» Египта, – но глубоко обманчивая для человеческой психологии, откладывающая, как правило, на завтра все то, что трудно и не хочется делать сегодня. Духовно-нравственное совершенствование – это подвиг борьбы с собой. А, как известно,

*«Бой с самим собой –
Есть самый трудный бой.
Победа из побед –
Победа над собой»* (Ф. Логау).

Идея же перевоплощения подсознательно ориентирует человека на «бой с самим собой» в неопределенном будущем, особенно если здесь

неплохо живется. При этом сама цепь перевоплощений фактически не имеет конца – это бесконечное число смертей и рождений. И хотя по тибетским представлениям некоторые могут достичь состояния так называемой мокши (освобождения), когда остановится процесс перевоплощений, но очень немногие люди, по учению тибетской «Книги мертвых», достигают конечной цели. По крайней мере, таких счастливиц, как Будда, который «всего» 215 раз перевоплощался, единицы. Удел же большинства, повторяю, бесконечность непрекращающихся перевоплощений.

Идею перевоплощений, почти без изменений, взяла и теософия.

Однако эта идея не имеет под собой никаких серьезных оснований.

Во-первых. Если бы имело место перевоплощение, то у каждого человека была бы какая-то память о предыдущих состояниях. В противном случае обесмысливается основной аргумент данной теории о необходимости многократных воплощений личности с целью полного ее очищения от грехов. Локк, английский философ XVIII века, справедливо заметил, что если нет памяти о прежнем воплощении, то нет и тождества личности, нет, следовательно, и перевоплощения, а есть простое рождение нового Я.

Во-вторых. Нет фактов, подтверждающих эту идею. Приводимые же исключительные случаи так называемых «воспоминаний» о предшествующих воплощениях имеют совсем иную природу. Это: или внушение, которому особенно легко поддаются люди так называемого медиумического склада (прежде всего дети, женщины); или произвольное самовнушение; или телепатические воздействия (см., напр.: архиеп. Лука. «Дух, душа и тело»); или психические заболевания; или прямые бесовские воздействия, беснования; или проявление так называемой генетической памяти, которая может при некоторых условиях воспроизводить в сознании впечатления и переживания предков, воспринимаемые человеком как свои собственные.

Любопытные факты встречаем мы и в представлениях, например, греческой мифологии, в греческой религии. Древние греки понимали посмертное состояние человека или как некую призрачность, нереальность, или как состояние неизмеримо худшее, нежели любая земная жизнь. Так, у Гомера в «Одиссее», например, есть весьма красноречивые характеристики состояния человека в царстве Аида. Вот как Ахиллес «богоравный» жалуется Одиссею:

*«О, Одиссей, утешения в смерти мне дать не надейся;
Лучше б хотел я – живой, как поденщик, работая в поле,
Службой у бедного пахаря хлеб добывать свой насущный,
Нежели здесь над бездушными царствовать, мертвый» [3]*

Еще более интересно посмертное состояние Геракла – этого великого героя древнегреческой мифологии. Сам он находится на Олимпе, на пиру у богов, и в то же время его дрожащая тень с напряженным луком в руках пребывает в Аиде. Одновременно на двух полюсах! Для отца Павла Флоренского эта совершенно необычная мысль Гомера явилась одним из элементов в его оригинальной эсхатологической концепции.

О чем говорят эти удивительные фантазии? С одной стороны, о том, что древние греки глубоко чувствовали реальность того мира и неуничтожимость души человеческой, верили, что есть оно, это посмертное состояние. С другой – совершенно не зная, какое оно, строили всевозможные догадки, предположения, создавали, как видим, красочные мифы в попытках осмысления этой проблемы. И, нужно отдать должное, некоторые из них не просто очень интересны, но и смогли глубоко выразить идею посмертного воздаяния.

Достаточно вспомнить муки Тантала, Сизифов камень, бочки Данаид и т.д.

Ту же самую картину можно видеть и во всех других дохристианских религиях. С одной стороны, интуитивное чувство бессмертия и отдельные факты, подтверждающие его (явления умерших, их точные предсказания и предупреждения и т.д.), с другой – полный туман в представлениях о том мире. И так – на протяжении всей истории человечества.

Даже если мы обратимся к такой книге, как Ветхий Завет, то и здесь найдем нечто подобное. До книг пророческих в нем находим утверждения, что человек, вернее, душа его засыпает после смерти, а то и умирает. То есть весь человек, а не только тело, обращается в прах после смерти! И только пророки, особенно великие пророки, начинают говорить о том, что душа по смерти не исчезает, не умирает и даже не засыпает, но испытывает страдания или радость в зависимости от земной жизни человека; пророки говорят даже о всеобщем воскресении [4]. Это наибольшее, что было открыто дохристианскому человечеству.

Но все народы и все религии, хотя и по-разному, говорят о посмертном состоянии человека. Мысль о полном уничтожении личности со смертью тела встречается очень редко.

А что общее?

Но есть и нечто общее, что роднит искания людей всех времен и взглядов. Это непреодолимая психологическая трудность поверить в то, что нет жизни после смерти. Человек не животное! Жизнь есть! И это не просто предположение или ни на чем не основанная вера. Есть огромное количество фактов, которые свидетельствуют о том, что, оказывается, жизнь личности продолжается и за порогом земного бытия. Поразительные свидетельства мы находим повсюду, где только остались литературные источники. И для всех них по крайней мере один факт был неоспорим: личность после смерти живет. Личность неуничтожима!

Замечательна в этом отношении книга, изданная у нас в России незадолго до революции, в 1910 году. Она, я бы сказал, не оставляет никаких сомнений в реальности того, что там сообщается. Автор ее К. Иксуль описывает то, что происходило с ним самим. И названа она по-особенному – **«Невероятное для многих, но истинное происшествие»**. Главное в ней – простое описание того, что происходит в пограничной ситуации, которую мы называем – между жизнью и смертью. Иксуль, описывая момент своей клинической смерти, рассказал, что сначала он испытывал тяжесть, какое-то давление, а потом вдруг ощутил свободу. Но, увидев отдельно от себя свое тело и начиная догадываться, что это его тело мертво, он не

потерял осознания себя как личности. «В наших понятиях со словом «смерть» неразлучно связано представление о каком-то уничтожении, прекращении жизни, как же мог я думать, что умер, когда я ни на одну минуту не терял самосознания, когда я чувствовал себя таким же живым, все слышащим, видящим, сознающим, способным двигаться, думать, говорить?» [5]

В других случаях происходят иногда вещи и крайне тяжелые для души. Один из реанимированных (лучше сказать, даже не реанимированных – этот человек без врачебной помощи вышел из состояния клинической смерти) рассказывал, что он слышал и видел, как родственники, едва остановилось его сердце, начали спорить, ссориться, ругаться из-за наследства. На самого покойника никто не обращал никакого внимания, даже не говорил о нем – он, оказывается, уже никому был не нужен (словно усопший – вещь, достойная только того, чтобы ее выбросить за ненадобностью), все внимание было обращено на деньги и вещи. Можете себе представить, какова же была «радость» всех тех, которые уже поделили его немалое наследство, когда этот человек вернулся к жизни. И каково ему самому было теперь общаться со своими «любящими» родственниками.

Но не в этом суть дела. Важно то, что во всех случаях сознание умершего не прекращалось! Прекращаются функции тела. А сознание, оказывается, не только не умирает, но, напротив, приобретает особую отчетливость и ясность.

О подобном посмертном состоянии говорит множество фактов. Сейчас вышло очень много литературы, касающейся этого вопроса. Например, книга доктора Моуди «**Жизнь после жизни**». В Америке она вышла огромным тиражом – 2 миллиона экземпляров были проданы буквально в первый же год или два. С такой скоростью мало какие книги расходятся. Это была своего рода сенсация, книгу восприняли как откровение. Хотя подобных фактов всегда было достаточно, но их просто не знали и не замечали. К ним относились как к галлюцинациям, к проявлениям психической ненормальности человека. Здесь же врач, специалист, окруженный коллегами, говорит о фактах, и только фактах как таковых. К тому же он человек, в общем-то, довольно далекий от религиозных взглядов.

Анри Бергсон – известный французский философ конца XIX века – говорил, что мозг человека напоминает чем-то телефонную станцию, которая не вырабатывает информацию, а только ее передает. Информация приходит откуда-то и передается куда-то. Мозг является только передаточным механизмом, а не источником сознания человека. Сегодня огромнейшая совокупность научно достоверных фактов полностью подтверждает эту мысль Бергсона.

«Я в аду!...»

Взять хотя бы интересную книгу Морица Роолингза «**За порогом смерти**» (Санкт-Петербург. 1994). Это известный врач-кардиолог, профессор университета в Теннесси, который сам, лично много раз возвращал к жизни людей, находившихся в состоянии клинической смерти. Книга изобилует огромным количеством фактов. Интересно, что сам Роолингз прежде был человеком, равнодушным к религии, но после одного случая в 1977 году (именно с него начинается эта книга) он совершенно иначе стал смотреть на проблему человека, души, смерти, вечной жизни и Бога. То, что описывает этот медик, действительно заставляет задуматься всерьез.

Роолингз рассказывает, как он начал реанимацию пациента, находившегося в состоянии клинической смерти, – с помощью обычных в таких случаях механических действий, то есть путем массажа пытался заставить работать его сердце. Таких случаев за всю его практику у него было много. Но с чем он столкнулся на этот раз? Причем столкнулся, как он говорит, впервые. Его пациент, как только к нему на несколько мгновений возвращалось сознание, умолял: *«Доктор, не останавливайтесь! Не переставайте!»* Врач спросил, что его пугает. *«Вы не понимаете? Я в аду! Когда Вы перестаете делать массаж, я оказываюсь в аду! Не давайте мне туда возвращаться!»* – последовал ответ. И так повторялось несколько раз. При этом лицо его выражало панический ужас, он дрожал и обливался потом от страха.

Роолингз пишет, что сам он человек сильный и в его практике неоднократно случалось, когда он, так сказать, усердно работая, иногда даже ломал ребра пациенту. Поэтому тот, приходя в себя, **обычно** умолял: *«Доктор, прекратите терзать мою грудь! Мне*

больно! Доктор, прекратите!» Здесь же врач услышал нечто совершенно необычное: *«Не останавливайтесь! Я в аду!»* Роолингз пишет, что когда этот человек наконец окончательно пришел в себя, то рассказал ему, какие жуткие страдания перенес он там. Больной был готов перенести здесь, на земле, все что угодно, только бы опять не вернуться туда. Там был ад! Потом уже, когда кардиолог занялся серьезным исследованием происходящего с реанимированными, стал спрашивать об этом своих коллег, то оказалось, что таких случаев в медицинской практике немало. С тех пор он стал вести записи рассказов реанимированных пациентов. Не все открывали себя. Но тех, которые были откровенны, было более чем достаточно, чтобы убедиться, что смерть означает только гибель тела, но не личности.

В этой своей книге Роолингз, в частности, сообщает, что примерно половина людей, возвращающихся к жизни, говорят, что **там**, где они только что побывали, очень хорошо, даже прекрасно, им не хочется оттуда возвращаться – они возвращались обычно неохотно и даже со скорбью. Но примерно такое же количество реанимированных рассказывают, что там ужасно, что они видели там огненные озера, страшных чудовищ, испытывали невероятные, тяжелейшие переживания и мучения. И, как пишет Роолингз, *«число случаев знакомства с адом быстро увеличивается»*.

В этом последнем случае люди переживают страх и шок. *«Я помню, как мне не хватало воздуха, – рассказал один пациент. – Затем я отделился от тела и вошел в мрачную комнату. В одном из окон я увидел уродливую морду гиганта, вокруг которого суетились бесенята. Он сделал мне знак подойти. Снаружи была тьма, но я различал стонущих людей вокруг. Мы двигались сквозь пещеру. Я плакал. Затем гигант отпустил меня. Доктор думал, что мне привиделось такое из-за наркотиков, но я никогда не употреблял их»* [6].

Или вот другое свидетельство: *«Я очень быстро несся по туннелю. Мрачные звуки, запах гниения, полулюди, говорящие на незнакомом языке. Ни проблеска света. Я крикнул: «Спасите меня!» Появилась фигура в блестящем одеянии, я почувствовал в ее взгляде: «Живи иначе!»»* [7]

Но особенно любопытны факты, касающиеся спасенных самоубийц.

Практически все они, говорит доктор Роолингз (он исключений не знает), переживали там тяжкие муки. Причем эти муки были связаны как с психическими, душевными, так и со зрительными переживаниями. Это были тяжелейшие страдания. Перед несчастными предстали чудовища, от одного вида которых душа содрогалась, и некуда было деться, нельзя было закрыть глаза, нельзя закрыть уши. Выхода из этого ужасного состояния там не было!

Когда одну отравившуюся девушку вернули к жизни, она умоляла: *«Мама, помоги, отгони их! Эти демоны в аду не отпускают, я не в силах вернуться, это ужасно!»* [8]

Роолингз приводит также и другой очень важный факт: большинство его пациентов, переживших духовные муки в клинической смерти (по крайней мере многие из тех, которые поделились такими переживаниями), решительно меняли свою нравственную жизнь. Некоторые, говорит он, не решались ничего рассказывать, но, хотя они и молчали, по их последующей жизни можно было понять, что они пережили что-то ужасное.

Какое тело было у человека до грехопадения?

Сейчас ввиду колоссального количества фактов, накопившихся в медицинской науке (не устных рассказов, сродни народному фольклору, а полностью достоверных фактов), можно сделать вывод: то, о чем религия, особенно христианство, говорила всегда, является бесспорной истиной. Оказывается, человек – это не только тело, не просто элементарная психика и нервы, но прежде всего душа, которая есть некая бессмертная субстанция, самосознающая, неуничтожимая личность. При этом душа имеет две формы существования. Первая, привычная и очевидная для нас, – в теле. Именно душа с телом и называется человек. И другая форма – это ее посмертное существование без тела, вне тела. Христианство приоткрывает завесу тайны этого ее бытия.

Но сначала о теле как о доме души. Что говорит христианство? Святоотеческое учение совершенно однозначно утверждает, что человек до грехопадения, до нашего нынешнего состояния обладал телом духовным – подчеркиваю: **телом материальным**, но

духовным! Для нас это звучит парадоксально. Но отчасти понять этот парадокс можно, исходя из факта Воскресения Христа.

Помните, как Христос проходил закрытыми дверями, появлялся неожиданно для всех, преломлял хлеб, тут же исчезал. И в то же время говорил ученикам: *«Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои; это Я Сам; осяжите Меня и рассмотрите; ибо дух плоти и костей не имеет, как видите у Меня»* (Лк. 24:39). И это говорил Он, неожиданно появившийся в комнате, двери которой были наглухо закрыты *«страха ради иудейска»* (Ин. 20:19)! Ведь никто Ему дверей не открывал. Что пережил апостол Фома, услышав: *«Поддай перст свой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои»* (Ин. 19:27). Ответ апостола Фомы поразителен: *«Господь мой и Бог мой!»* (Ин. 20:27-28). В Риме и сейчас показывают палец апостола Фомы, которым он коснулся нетленного ребра Христова. Правда, я не очень в это верю – уж извините меня за это. Но дело не в том, прикоснулся ли апостол Фома ко Христу и этим ли пальцем, – важно другое: Фома, как и все мы, соприкоснулся с реальностью, выходящей за границы нашего привычного опыта и потому с таким трудом принимаемой нашим так называемым здравым смыслом. Еще бы, с одной стороны, это реальные плоть и кровь, и кости, с другой – они обладают поразительными свойствами прохождения через такие же реальные материальные объекты без каких-либо затруднений!

Можно строить разные гипотезы по этому поводу. Скажу только одно. Наши знания в этой сфере настолько ничтожны, что нам трудно построить надлежащую теорию. Не исключено, что тело, которое стало духовным, приобретает способность пребывания в ином пространстве, через которое оно может беспрепятственно для себя оказаться в любой точке нашего четырехмерного пространства-времени.

Но, знаю, что еще немного – и мы все скоро это увидим и поймем. Сейчас же понять это действительно невозможно. Но апостол Павел прямо пишет: *«Так и при воскресении мертвых: сеется в тлении, восстает в нетлении... сеется тело душевное, восстает тело духовное. Есть тело душевное, есть тело и духовное... Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие»* (1Кор. 15:42,44,53). Апостол пишет о

будущем духовном состоянии тела, но оно таковым было и до грехопадения.

Также и Святые Отцы учат, что первоначальный человек имел **духовное тело**, которое обладало необычными для нас свойствами – теми, которые мы видим в воскресшем Христе. Святой Ефрем Сирийский, например, писал: *«Туда и сюда носятся пред праведниками ветры в раю; один навевает им пищу, другой изливает питье... Духовно питают там ветры живущих духовно... Для духовных существ и пища духовна»* [9]. *«Райское благоухание насыщает без хлеба; дыхание жизни служит питием... Тела, заключающие в себе кровь и влагу, достигают там чистоты одинаковой с самою душою... Там плоти возвышаются до степени душ, душа возносится на степень духа...»* [10] *«Ибо до преступления Адамова не было ни печали, ни боязни, ни утомления, ни глада, ни смерти»* [11].

Последствия прародительского греха

Грехопадение первых людей, их отступление от Бога, привело к тому, что наша плоть – тело и душа – стали, по выражению Отцов, дебелими, облеклись в *«одежды кожаные»* (Быт. 3:21), в результате чего в природе человека последовали три изменения онтологического характера. В православном богословии они часто именуются первородным грехом. Какие именно? Их ясно называет преп. Максим Исповедник. Говоря о Боговоплощении, он пишет: *«Господь же, взяв на Себя это осуждение за мой добровольный грех, я имею в виду – взяв **страстность, тленность и смертность** [человеческого] естества...»* [12] Эти три свойства стали неотъемлемыми в природе человеческой, с ними рождаются все люди.

Что такое **тленность**? Посмотрите на ребенка и человека преклонных лет. Вот что делает тленность!

Какая **страстность**? Духовное тело было абсолютно независимо ни от чего внешнего. Оно не могло страдать: как нельзя, ударив воздух палкой, причинить ему боль, таким же неуязвимым, бесстрастным было и тело человеческое. Также не были свойственны человеку и какие-либо душевные переживания и волнения. Дебелая же плоть страдает как телом, так и душой. (Славянское слово «страсть»

означает, в частности, страдание – отсюда «страсти Христовы»). Преподобный Иоанн Дамаскин писал: *«Естественные же и беспорочные страсти суть не находящиеся в нашей власти, которые вошли в человеческую жизнь вследствие осуждения, происшедшего из-за преступления, как, например, голод, жажда, утомление, труд, слеза, тление, уклонение от смерти, боязнь, предсмертная мука, от которой происходят пот, капли крови... и подобное, что по природе присуще всем людям»* [13].

И, наконец, тело человека стало **смертным**.

Вот три свойства, которые возникли в нашей природе как следствие грехопадения прародителей. Это и называется «первородным грехом». Хотя слово «грех» употребляется здесь в переносном смысле и свидетельствует о болезненном состоянии человеческой природы, но не означает какой-либо нашей личной виновности. Мы виновны за свои личные грехи и ту греховную страстность, которая возникает в нас за невоздержание наше. Святитель Григорий Нисский так объясняет возникновение греховных страстей в человеке: *«А раб удовольствий необходимые потребности делает путями страстей: вместо пищи ищет наслаждений чрева; одежде предпочитает украшения; полезному устройству жилищ – их многоценность; вместо чадорождения обращает взор к беззаконным и запрещенным удовольствиям. Потому-то широкими вратами войти в человеческую жизнь и любостяжание, и изнеженность, и гордость, и суетность, и разного рода распутство»* [14].

Кроме того, родители и предки наделяют своих потомков не только болезнями телесными и психическими, но и духовными. Эту передачу греховной страстности потомкам можно назвать родовым грехом. Все люди рождаются с ним, хотя проявляется он в самых разнообразных формах.

Смертность, тленность и страстность как свойства падшей человеческой природы – это нарост. Смерть является тем актом в жизни человека, когда этот нарост сбрасывается, чтобы затем душа могла получить новое тело – чистое и здоровое. Христианство учит о будущем всеобщем воскресении, которое избавит человека от дебелости его природы благодаря Воскресению Христову.

Тот же Максим Исповедник говорит.- «Непреложность произволения во Христе вновь вернула этому естеству через Воскресение **бесстрастность, нетленность и бессмертие**» [15]. Это уже можно видеть на Божией Матери, которая, пройдя через врата смерти, в новом, духовном теле была взята на Небо.

Отсюда становится более понятным многое в церковном учении о смерти, посмертном состоянии человека, мытарствах и окончательном будущем его состоянии.

Должно при этом сразу сказать, что и в католичестве, и в протестантизме по этим вопросам немало отклонений, причем некоторые из них принципиального характера.

Где пребывает душа в первое время после смерти тела

Что об этом говорит Православная Церковь?

Соприкосновение человека с тем миром нередко начинается уже перед смертью. Об этом свидетельствуют многочисленные факты.

Апостол Павел, например, был восхищен до третьего неба (2Кор. 12:2-4). Где же он был? В Вечности. А затем опять вернулся во временность. Там нет времени, там – Вечность. И это не бесконечность времени, а совсем другая реальность. Не правда ли, интересно? Оказывается, из временности можно попасть в Вечность, и из Вечности можно вернуться во временность. Вечность – это нечто совсем другое.

Но что рассказал апостол Павел, когда вернулся из Вечности? По-славянски это звучит очень выразительно: он слышал «*неизреченны глаголы, ихже не леть есть человеку глаголати*» (2Кор. 12:2,4) – то есть он слышал слова, которые другому человеку невозможно передать. Язык *там* совсем другой. Как и здесь, если бы кто-нибудь заговорил сейчас, например, на древнеэфиопском языке, окружающие, конечно, ничего бы не поняли...

В первые два-три дня после своей кончины человек, вернее, его душа пребывает в условиях «земного притяжения» – около близких, родных, друзей... Будучи уже *там* в вечности, она еще не сразу отрывается от земной пространственно-временной четырехмерности.

Потому в эти дни (хотя, повторяю, наше земное время нельзя точно

соотнести с той категорией, которую мы называем Вечностью), прежде чем вступить *виной* мир, душа находится близ тела, там, где она хочет... И если человек был окружен родными, любимыми людьми – она пребывает с ними, она пытается как-то общаться с ними, но, увы, не видит никакой реакции, не получает никакого ответа, общение уже невозможно.

Все посмертные рассказы людей, которые были реанимированы, говорят о смятении человека, лишенного обратной связи с привычным ему миром.

Тот же М. Иксуль в книге «Невероятное для многих, но истинное происшествие» рассказывает о своем удивлении, когда он, оказавшись посреди комнаты и увидев группу медиков, заглянул через их плечи – туда, куда глядели все они: *«Там на койке лежал я... [...] Я... позвал доктора, но атмосфера, в которой я находился, оказывалась совсем непригодной для меня; она не воспринимала и не передавала звуков моего голоса, и я понял свою полную разобщенность со всем окружающим, свое странное одиночество, и панический страх охватил меня... я всячески пробовал и старался заявить о себе, но попытки эти приводили меня лишь в полное отчаяние. «Неужели же они не видят меня?» – с отчаянием думал я и, снова и снова, приближался к стоящей над моей койкой группе лиц, но никто из них не оглядывался, не обращал на меня внимания, и я с недоумением осматривал себя, не понимая, как могут они не видеть меня, когда я такой же, как был. Но делал попытку осязать себя, и рука моя снова рассекала лишь воздух» [16].*

То же самое говорят все, кто был возвращен к жизни.

Что могут усопшие сообщить живым

Часто задают вопрос: могут ли прийти к нам души умерших? И это не просто любопытство. Известно немало фактов, когда живой человек начинает, например, видеть умершего, или же усопший является во сне какому-то очень близкому человеку. При этом усопший может появиться вполне зримо, практически наяву, постучать в окошко или каким-то иным образом возвестить о себе. Литературы об этом очень много. Но мне хотелось бы особо отметить две работы **советского** ученого, в которых он с риском для себя (60-е годы!) рассказывает о

вполне достоверных с научной точки зрения и в то же время поразительных явлениях. Если кого-то заинтересуют эти книги, назову их:

Васильев А. Внушение на расстоянии. М. 1962.

Васильев А. Таинственные явления человеческой психики. М. 1964.

Знаменательный случай, произошедший в XIX веке, описывает, если не ошибаюсь, профессор Гарвардского университета Вильям Джемс (в современной транскрипции - Джеймс) в своей очень интересной книге «**Многообразие религиозного опыта**» (М. 1910). Женщина, находившаяся в Англии, неожиданно видит свою дочь (та в это время была в Австралии) - как она едет в карете по берегу моря. И вдруг, к ужасу матери, перед ее глазами разворачивается такая картина: у кареты ломается колесо, она переворачивается и вместе с лошадьми падает прямо в море. Дочь этой женщины гибнет. Через две или три недели в Англию, к матери этой девушки, действительно поступает сообщение с точным описанием того, что она видела.

Но такие видения телепатического характера - редкое явление. И в описании их, как правило, отсутствуют христианские оценки, а они в высшей степени важны для всех нас. Святые Отцы строго предупреждают, чтобы не только не искать контактов с тем миром, но и всячески **избегать их, не доверять** никакой информации, получаемой во сне и тем более в явлениях мистического характера.

Иногда, как в приведенном случае, увиденное во сне или даже наяву действительно сбывается. И опасность таких «сбылось» состоит в том, что человек привыкает к ним и начинает доверять снам, видениям и прочему - а потом демоны ему такое представят, что он в петлю полезет. Опасная это вещь. Если надо, Господь найдет средство подсказать человеку.

Сейчас на Западе идет какое-то повальное увлечение мистикой. Все жаждут информации *оттуда*. По результатам некоторых опросов, 42 процента американцев, например, имели контакт, как они считают, с «умершими», 2/3 американцев имели опыт экстрасенсорных восприятий - это же настоящее сумасшествие, большая беда. Люди не знают и не понимают, что такая информация может исходить только от духа лжи, от дьявола. Не умершие разговаривают с

вызывающими их, со спиритами, а бесы в облике усопших. Поэтому православным нужно быть особенно осторожными в этом отношении. Святые отказывались от видений. Преподобный Григорий Синаит (XIV в.), например, предупреждал: *«Никогда не принимай, если что увидишь чувственное или духовное, вне или внутри, хотя бы то был образ Христа, или Ангела, или святого какого... Приемлющий то... легко прельщается... Бог не негодует на того, кто тщательно внимает себе, если он из опасения прельщения не примет того, что от Него есть... но паче похваляет его, как мудрого»* [17].

Так поступали святые! А уж нам, грешным, тем более нужно быть осторожными...

А что же происходит с душой через три дня после смерти?

Дальше начинается то, о чем вне христианства мы не находим фактически ничего, кроме фантазий.

«Земные вещи принимай здесь за самое слабое изображение небесных»

Речь идет о мытарствах. В XIX веке митрополит Московский Макарий, говоря о состоянии души после смерти, писал: *«Должно, однако, заметить, что, как вообще в изображении предметов мира духовного для нас, облеченных плотию, неизбежны черты, более или менее чувственные, человекообразные, – так, в частности, неизбежно допущены они и в подробном учении о мытарствах, которые проходит человеческая душа при разлучении с телом. А потому надобно твердо помнить наставление, какое сделал ангел преп. Макарию Александрийскому, едва только начинал речь о мытарствах: «земные вещи принимай здесь за самое слабое изображение небесных». Надобно представлять мытарства не в смысле грубом, чувственном, а сколько для нас возможно в смысле духовном, и не привязываться к частностям, которые у разных писателей и в разных сказаниях самой Церкви, при единстве основной мысли о мытарствах, представляются различными»* [18]. Эти в высшей степени значительные слова ангела никак нельзя забывать, когда мы соприкасаемся с сообщениями о том мире. Ибо наша человеческая психика очень склонна принимать образы за действительность, в результате чего создаются совершенно

искаженные представления не только о рае, аде, мытарствах и т.д., но и о Боге, о духовной жизни, о спасении. Эти искажения легко уведут христианина в язычество. А христианин-язычник – что может быть хуже?

О каких земных и небесных вещах здесь говорится? О мытарствах, которые при всей простоте их *земного* изображения в православной житийной литературе имеют глубокий духовный, *небесный* смысл. Ничего подобного нет ни в одном из религиозных учений. Даже католицизм своим догматом о чистилище исказил картину посмертного состояния человека. Чистилище и мытарства – это принципиально разные вещи. Чистилище, в представлениях католических богословов, – это место мучений для возмещения недостатка заслуг человека в удовлетворении правосудию Бога. Мытарства же – **это суд совести** и испытание духовного состояния души перед лицом любви Божией, с одной стороны, и дьявольских страстных искушений – с другой.

Церковное предание говорит, что мытарств двадцать – двадцать неких проверок состояния души перед, если хотите, ее родным домом, который мы называем Царством Божиим. Это двадцать ступеней восхождения к этому дому, которые могут стать ступенями падения человека – в зависимости от его состояния.

Где-то в 50-х годах умирал один епископ – старенький уже, милый, приятный человек, но духовным и подвижником его назвать было трудно. Очень показательна была его кончина – он все время озирался вокруг себя и говорил: *«Всё – не так, всё не так. Совсем не так!»*

Его удивление можно понять. Действительно, хотя мы все и понимаем, что там *«всё не так»*, тем не менее невольно представляем себе ту жизнь по образу и подобию жизни этой. И ад, и рай представляем по Данте, и мытарства опять-таки в соответствии с теми картиночками, которые с любопытством разглядываем в простеньких брошюрах. Хотим ли этого или нет, но мы никак не можем отрешиться от этих земных представлений.

И, как ни удивительно, какую-то помощь в понимании этого вопроса нам может оказать современная наука. Например, физики-ядерщики,

исследующие мир элементарных частиц, утверждают, что в макромире – то есть в том мире, в котором мы живем, – нет понятий, способных адекватно выразить реальности микромира. Поэтому, чтобы как-то представить их для широкой публики, физики вынуждены находить и придумывать слова, названия и образы, взятые из нашего привычного опыта. Правда, картина подчас вырисовывается фантастическая, но понятная по своим составным частям. Ну, например, представьте – время течет вспять. Что значит – вспять, как это время может течь наоборот? Сначала утка падает, а потом охотник стреляет? Это же абсурд. Но одна из теорий квантовой механики именно таким образом указывает на процессы, происходящие во внутриатомном мире. И, кажется, мы начинаем что-то понимать... хотя и ничего не понимая.

Или взять понятие волночастицы, названное по-английски «вейвикл». Если вдуматься, то это довольно абсурдное выражение – волна не может быть частицей, а частица не может быть волной. Но с помощью этого парадоксального понятия, не вмещающегося в рамки нашего здравого смысла, ученые пытаются выразить двойственный характер природы материи на уровне атома, двойственного аспекта элементарных частиц (которые в зависимости от конкретной ситуации проявляются то как частицы, то как волны). Таких парадоксов современная наука предлагает множество. Чем они для нас полезны? Тем, что показывают: если так ограничены возможности человека в познании и выражении на «человеческом языке» реальностей этого мира, то, очевидно, они еще более ограничены в понимании мира *того*. Это главное, что нужно иметь в виду, пытаясь осмыслить те же мытарства и вообще посмертное существование души. Реальности там совсем другие, там всё не так, как здесь.

Посмертный экзамен на добро

По церковному учению, после трехдневного пребывания у гроба душа усопшего с 3-го по 9-й день созерцает райские обители, а с 9-го по 40-й день ей показываются адские мучения. Как можно понимать эти земные образы, «земные **вещи**»?

Душа, будучи по природе жительницей *того* мира, освобождаясь от

дебелого тела, становится способной совершенно иным, свойственным ей образом, в отличие от тела, видеть *тот* мир. Там душе всё открывается. И если, как пишет апостол Павел, в земных условиях мы видим «*как бы сквозь тусклое стекло, гадательно*», то там «*лицом к лицу*» (1Кор. 13:12), то есть так, как есть в действительности. Это видение или познание в отличие от познания земного, носящего в основном характер внешний и часто чисто рассудочный, по смерти тела приобретает иной характер – **сопричастности** познаваемому. Сопричастность в данном случае означает единение познающего с познаваемым. Так вот душа вступает *там* в единение с миром духов, ибо она и сама духовна в этом смысле. Но с какими духами объединяется душа? Можно полагать, что каждая добродетель имеет своего духа своего ангела, так же, как и каждая страсть имеет своего духа, своего демона. Но об этом несколько позже.

Почему-то обычно считают, что душа испытывается только тогда, когда дело касается ее страстей, то есть в период с 9-го по 40-й день. Однако нет сомнений в том, что на всё испытывается душа: и на добро, и на зло.

Так вот после трех дней начинаются своего рода испытания личности. Сначала – перед лицом добра. Душа проходит путь по всем добродетелям (по Апостолу, это «*любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, кротость, воздержание*» и т.д. – Гал.5:22). Например, душа оказывается перед лицом кротости. Воспримет ли она ее как то драгоценное качество, к которому стремилась и которое искала в своей земной жизни, хотя и не могла приобрести его в тех условиях, или, напротив, оттолкнется от кротости как от чего-то чуждого и неприемлемого? Соединится ли она с духом кротости или нет? Так, в течение шести земных дней произойдет особое испытание души перед лицом всех добродетелей.

Хочется при этом отметить, что каждая добродетель прекрасна, ибо Сам Бог есть Красота неизреченная, и душа всей своей полнотой видит там красоту этих свойств Божиих. И вот на этом, если хотите, «экзамене на добро» испытывается душа: приобрела ли она в условиях земной свободы хоть какое-то стремление к этой вечной Красоте.

И экзамен - на зло

Подобное же испытание, такой же экзамен души происходит и дальше, с 9-го по 40-й день. Начинается этап, который обычно называют мытарствами. Их двадцать, и о них говорится значительно больше, чем о созерцании красоты добродетелей. Причина этого, видимо, в том, что подавляющее большинство людей неизмеримо больше поработаны страстями, нежели причастны добродетелям. Потому и времени на этот экзамен требуется больше. Здесь открывается душе вся сила каждой ее страсти - ненависти, зависти, гордости, лукавства, блуда, чревоугодия...

Мы все знаем, что значит огонь страсти - несмотря на разум, несмотря на желание добра, несмотря даже на собственное благополучие, человек вдруг подчиняется, например, безумному гневу, алчности, похоти и так далее! Подчиняется «любимой» страсти или страстям. Вот это самое и начинается *там*, но уже перед лицом не просто совести, не просто убеждений - а перед самой той Святыней, перед лицом той Красоты, которая только что открылась душе во всей возможной для нее полноте. Именно тут и обнажается во всей полноте та сила страсти, какую человек приобрел во время земной жизни. Потому тот, кто не боролся со страстью, а, более того, служил ей, для кого она стала смыслом его жизни, тот и перед лицом самой Любви Божией не сможет отрешиться от нее. Вот и происходит срыв на мытарстве и ниспадение души в лоно бессмысленного и ничем не утолимого огня горения страстью. Ибо в земных условиях страсть иногда на какое-то время еще могла получить себе пищу. Там же действительно открываются муки Танта́ла.

Кстати, начинаются мытарства с самого, казалось бы, невинного греха. С празднословия. С того, чему мы обычно не придаем никакого значения. Апостол же Иаков говорит прямо противоположное: *«...язык... это - неудержимое зло; он исполнен смертоносного яда»* (Иак. 3:8). А Святые Отцы и даже языческие мудрецы называют праздность и ее естественное и обычное проявление - празднословие - матерью всех пороков. Преп. Иоанн Карпафский, например, писал: *«Ничто так не расстраивает обычно доброго настроения, как смех, шутки и празднословие»*.

Двадцать мытарств охватывают, я бы сказал, двадцать категорий

страстей, не конкретных грехов, а именно страстей, в каждую из которых входит множество разновидностей грехов. То есть каждое мытарство охватывает целое гнездо родственных грехов. Скажем, воровство. Оно имеет много видов: и прямое, когда в карман к человеку залезли, и бухгалтерские приписки, и нецелевое, в своих интересах, использование бюджетных средств, и взятки с целью наживы и т.д. и т.п. То же самое и в отношении всех прочих мытарств. Итак – двадцать страстей, двадцать экзаменов на грехи.

В очень ярких, земноподобных понятиях и выражениях написано о мытарствах в житии преподобного Василия Нового, где блаженная Феодора рассказывает о происходившем с ней за гранью земной жизни. И, читая ее рассказ, невольно вспоминаешь замечательные слова ангела: *«Земные вещи принимай здесь за самое слабое изображение небесных»*. Блаженная Феодора видела там и чудовищ, и огненные озера, и страшные лица, слышала ужасные крики, наблюдала мучения, которым подвергаются грешные души. Все это – «земные вещи». В действительности же, как предупредил нас ангел, это лишь *«слабое изображение»*, слабое подобие тех вполне духовных (и в этом смысле «небесных») событий, которые происходят с душой, неспособной отвергнуть страсти. Там всё *не так!*

Но почему же в таком случае так показано? Причина в том, что нет других средств предупредить еще живущего человека о тех страданиях, которые ожидают каждого попирающего совесть и истину. Например, как объяснить действие радиации человеку, не имеющему о ней никакого представления и не понимающему губительного ее действия на организм? Видимо, придется сказать, что из этого места исходят страшные невидимые лучи, язычник скорее поймет, если предупредить его, что здесь живут злые духи, или, напротив, это место священное и к нему подходить нельзя...

- Понял, человек?

- Всё понял.

Что же он понял? Не что такое радиация, не то, каким образом она действует, а самое главное: здесь серьезная опасность, нужно быть в высшей степени осторожным. Так и в случае с картинами мытарств. Да, страдания есть, и они обусловлены несправедливым образом жизни.

Но блаженная Феодора говорит и о бесах, которые мучают душу за грехи.

Соединяемся с Духом Божиим или с демонами-мучителями

На основании жития преподобной Феодоры созданы целые иконографические циклы. Возможно, многие видели книжечки с картинками, изображающими различные истязания на мытарствах. Фантазия у художников очень сильная, яркая, и потому картинки эти впечатляют. Когда посмотришь - чего там только не происходит: какие мучения, пытки! И мучения там действительно есть, однако носят они совсем другой характер. Это важно знать, поскольку имеет большое значение для понимания загробной участи всех людей, в том числе и нехристиан.

Итак, подходим к вопросу о действии бесов на душу в загробном мире. Очень интересную мысль по этому вопросу высказал святитель Феофан Затворник (Говоров) в толковании на 80-й стих 118-го псалма («Буди сердце мое непорочно во оправданиях твоих, яко да не постыжуся»). Вот как он объясняет последние слова: *«Второй момент непостыждения есть время смерти и прохождения мытарств. Как ни дикою кажется умникам мысль о мытарствах, но прохождения ими не миновать. Чего ищут эти мытники в проходящих? Того, нет ли у них ихнего товара. Товар же их какой? Страсти. Стало быть, у кого сердце непорочно и чуждо страстей, у того они не могут найти ничего такого, к чему могли бы привязаться; напротив, противоположная им добротность будет поражать их самих, как стрелами молнийными. На это один из немногочисленных вот какую еще выразил мысль: мытарства представляются чем-то страшным; а ведь очень возможно, что бесы, вместо страшного, представляют нечто прелестное. Обольстительно-прелестное, по всем видам страстей, представляют они проходящей душе одно за другим. Когда из сердца, в продолжение земной жизни, изгнаны страсти и насаждены противоположные им добродетели, тогда что ни представляй прелестного, душа, не имеющая никакого сочувствия к тому, минует то, отвращаясь от того с омерзением. А когда сердце не очищено, тогда к какой страсти наиболее питает оно сочувствие, на то душа и бросается там. Бесы и берут ее будто*

друзья, а потом уж знают, куда ее девать. Значит, очень сомнительно, чтобы душа, пока в ней остаются еще сочувствия к предметам каких-либо страстей, не постыдилась на мытарствах. **Постыждение** здесь в том, что **душа сама бросается в ад**».

Мысль свт. Феофана идет в русле наставлений преподобного Антония Великого. Приведу и его замечательные слова: «Бог благ и бесстрастен и неизменен. Если кто, признавая благословенным и истинным то, что Бог не изменяется, недоумевает однакож, как Он (будучи таков) о добрых радуется, злых отвращается, на грешников гневается, а когда они каются, является милостивым к ним; то на сие надобно сказать, что Бог не радуется и не гневается: ибо радость и гнев суть страсти. Нелепо думать, чтоб Божеству было хорошо или худо из-за дел человеческих. Бог благ и только благое творит, вредить же никому не вредит, пребывая всегда одинаковым; а мы, когда бываем добры, то вступаем в общение с Богом, по сходству с Ним, а когда становимся злыми, то отделяемся от Бога, по несходству с Ним. Живя добродетельно, мы бываем Божиими, а делаясь злыми, становимся отверженными от Него; а сие не то значит, чтобы Он гнев имел на нас, но то, что грехи наши не попускают Богу воссиять в нас, **с демонами же мучителями соединяют**. Если потом молитвами и благотворениями снискиваем мы разрешение в грехах, то это не то значит, что Бога мы ублажили и Его переменили, но что посредством таких действий и обращения нашего к Богу, уврачевав сущее в нас зло, опять соделываемся мы способными вкушать Божию благодать; так что сказать: Бог отвращается от злых, есть то же, что сказать: солнце скрывается от лишенных зрения» [\[19\]](#).

Короче говоря – когда мы ведем жизнь правильную (т.е. праведную), живем по заповедям и каемся в их нарушении, то дух наш соединяется с Духом Божиим, и нам бывает благо. Когда же поступаем против совести, нарушаем заповеди, то дух наш становится единым с демонами-мучителями, и таким образом мы попадаем в их власть. И соответственно степени нашего **добровольного** согласия на грех, **добровольного** подчинения себя их власти – они мучают нас. И если на земле еще есть покаяние, то

там уже поздно. Но не Бог, оказывается, наказывает нас за грехи, а мы сами страстями своими отдаем себя в руки мучителей. И начинается их «работа» – они своего рода хищники или ассенизаторы, очищающие окружающую среду от нечистот. Вот что происходит с душой по смерти на мытарствах.

Мытарства, таким образом, по существу есть не что иное, как своего рода проверка человека на страсти. Здесь человек показывает себя – кто он есть, к чему он стремился, чего он хотел. Но не только проверка – они и залог возможного очищения души по молитвам Церкви.

«Страсти в тысячу раз более сильные, чем на земле...»

Но, видимо, необходимо, еще раз сказать, что же такое страсть. О грехе мы знаем: к примеру, человек обманул, споткнулся, это с каждым бывает. Страсть же есть нечто другое – то, что уже тянет к себе, причем иногда настолько неодолимо, что человек не может с собой справиться. Хотя он прекрасно понимает, что это плохо, что это дурно, что это вредно не только для души (хотя о душе он чаще всего забывает), но и для тела, однако не может с собою справиться. Перед лицом совести, перед лицом, если хотите, собственного блага – не может справиться! О таком состоянии говорят – страсть.

Страсть – это действительно ужасная вещь. Посмотрите, что делают люди в безумии страсти, в рабстве страсти. Убивают, калечат, предают друг друга.

Славянское слово «страсть» означает прежде всего страдание, а также сильное желание чего-либо запрещенного, греховного – то есть в конечном счете тоже страдание. Страсти – это страдания. Христианство и предупреждает, что все страсти, будучи греховными, приносят человеку страдания, и только страдания. Страсти – это обман, это наркотик, это прелесть! По смерти и происходит выявление реального действия страстей, реальной их жестокости.

Все наши грехи совершаются, когда душа соединена с телом. Душа без тела ни добро творить, ни грешить не может. Отцы определенно говорят, что вместилищем страстей является душа, а не тело. Корни страстей не в теле, а в душе. Даже самые грубые телесные страсти коренятся в душе. Поэтому они и не гаснут, не исчезают со смертью

тела. С ними человек выходит из этого мира.

Как же проявляют себя эти неизжитые страсти в том мире? Приведу мысль игумена Никона (Воробьева): «*Страсти в тысячу раз более сильные, чем на земле, будут, как огнем, палить тебя без какой-либо возможности утолить их*» [20]. Это в высшей степени серьезно.

Здесь, на земле, с нашими страстями проще. Вот, я заснул – и все мои страсти уснули. Я, к примеру, так злюсь на кого-нибудь, что готов растерзать его. Но прошло время – и страсть постепенно улеглась. А вскоре и друзьями стали. Здесь с пороками можно бороться. К тому же страсти прикрыты нашей телесностью и поэтому не действуют в полную силу – вернее редко и, как правило, не очень долго так действуют. А вот *там* человек, освобожденный от телесности, оказывается перед лицом **полного их** действия. Полного! Их проявлению уже ничто не мешает, тело их не закрывает, никакой сон не отвлекает, никакая усталость не гасит! Словом – непрерывное страдание, поскольку у самого человека нет «*какой-либо возможности утолить их*!» Плюс к этому бесы прельщают нас и затем разжигают и многократно усиливают действие наших страстей.

Мне рассказывали, как во время Второй мировой войны после снятия Ленинградской блокады уже в тылу к огромной очереди за хлебом подбежала женщина и истерично закричала: «*Я из Ленинграда*». Все тут же расступились, увидев ее безумные глаза, ее ужасное состояние. Вот что такое лишь одна страсть. Страсть – это тяжелая болезнь, для излечения которой требуется большой труд и долгое время. Потому так опасно не бороться с грехом – часто повторяемый, он переходит в страсть, и тогда наступает настоящая беда не только в этой жизни, но, что в тысячу раз хуже, и в той. А когда в человеке целый букет страстей? Что с ним будет в Вечности?! Если бы только одна эта мысль глубоко укоренилась в нас, мы, без сомнения, уже совсем по-иному стали бы относиться к своей жизни.

Вот почему христианство как религия любви напоминает; помни, человек, ты не смертное, а бессмертное существо и потому готовься к бессмертию. И великое счастье христиан, что они знают об этом и могут готовиться. Напротив, перед каким ужасом оказывается после смерти неверующий и незнающий!

Двадцать мытарств выявляют состояние души человека, они ведь есть не что иное, как двадцать своего рода лакмусовых бумажек, двадцать, если хотите, экзаменов, на которых обнаруживается все ее духовное содержание и определяется ее судьба. Правда, еще не окончательная. Будут еще молитвы Церкви, будет Страшный Суд.

Подобное соединяется с подобным. Сила покаяния

Каждая ступень мытарств есть проверка силы укорененности определенной страсти в человеке, когда обнаруживается ее полная сила. Тот, кто не боролся со страстью, кто подчинялся ей, кто жил этой страстью, культивировал ее, отдавал все силы своей души на ее возвращение, – падает, срывается на этом мытарстве. И это – либо падение, либо прохождение мытарства – определяется уже не усилием воли человека, а действием преобладающего в нем духовного состояния. Игуменья Арсения, одна из замечательных подвижниц рубежа XX столетия († 1905), писала: *«Когда человек живет земною жизнью, то он не может познавать, насколько дух его находится в порабощении, в зависимости от другого духа, не может этого вполне познавать потому, что у него есть воля, которой он действует, как когда хочет. Но когда **со смертью отнимется воля, тогда душа увидит, чьей власти она порабощена**. Дух Божий вносит праведных в вечные обители, просвещая их, освещая, боготворя. Те же души, которые имели общение с дьяволом, будут им обладаемы»* [21].

Иначе сказать, если мы на земле не боремся с малыми искушениями, не противостоям их давлению, то тем самым ослабляем свою волю, постепенно уничтожаем ее. И там перед лицом 1000-кратной большей силы страсти наша воля вообще уже *отнимется*, и душа окажется во власти демона-мучителя. Вот об этом последнем и хочется еще раз сказать.

Если мы обратимся к описанию мытарств, то всюду находим присутствующих там духов зла – в разных образах. Блаженная Феодора даже описывает вид некоторых из них, хотя понятно, что это лишь слабые подобия их подлинного существа. Самое же серьезное – мы уже подчеркивали это – в том, что, как пишет Антоний Великий, душа, покорившаяся страсти, соединяется там с демонами-

мучителями. И это происходит, так сказать, *естественно*, ибо подобное всегда соединяется с подобным. В условиях земной жизни мы также соединяемся с людьми одного духа. Подчас удивляются – как эти люди сошлись? Потом, при более близком знакомстве, оказывается: да у них же дух один! Они **единодушны**. Единый дух соединил их.

Когда душа проходит мытарства, она испытывается страстью каждого мытарства, ее духами, демонами-мучителями, и соответственно своему состоянию или отторгается от них, или соединяется с ними, впадая в тяжелейшие страдания.

Есть и другая сторона этих страданий. Тот мир – это мир истинного света, в котором перед всеми откроются все наши грехи: перед лицом всех друзей, знакомых, родных вдруг обнаружится все лукавое, низменное, бессовестное. Только представьте себе такую картину! Потому Церковь и призывает всех к скорейшему покаянию. Покаяние по-гречески – метанойя, то есть **изменение** ума, образа мыслей, изменение целей своей жизни, стремлений. Покаяние – это и ненависть к греху, отвращение к нему.

Вот как замечательно говорит об этом св. Исаак Сириин: *«Поскольку знал Бог Своим милосердным знанием, что если бы абсолютная праведность требовалась от людей, тогда только один из десяти тысяч нашелся бы, кто [мог бы] войти в Царство Небесное, Он дал им лекарство, подходящее для каждого, [а именно] покаяние, так, чтобы каждый день и на всякий миг было для них доступное средство исправления посредством силы этого лекарства и чтобы через сокрушение они омывали себя во всякое время от всякого осквернения, которое может приключиться, и обновлялись каждый день через покаяние»* [22].

Что дает истинное покаяние? Возьмите хотя бы Раскольников из «Преступления и наказания» Достоевского. Посмотрите: он готов был идти на каторгу, даже с радостью идти, – лишь бы искупить свое зло, вернуть прежнее состояние души. Вот что такое покаяние: это действительно изменение души, ее спасение.

И даже малое стремление к добру и покаяние во зле может стать той каплей, которая склонит чашу весов к Богу. Эта капелька, или, как

говорил Варсонофий Великий, этот «медный обол», совсем вроде ничтожный, становится залогом того, что Господь соединяется с такой душой и побеждает то зло, которое присутствует в ней.

Вот какое огромное значение имеет искреннее покаяние и искренняя борьба в этой нашей жизни. Они становятся залогом спасительного прохождения мытарств.

Мы, христиане, должны быть бесконечно благодарны Богу за то, что Он заранее открыл нам посмертную тайну мытарств, чтобы мы **здесь** боролись со своими дурными наклонностями, боролись и каялись. Ибо если, повторяю, у человека есть хотя бы маленький росточек такой борьбы, если есть хоть какое понуждение к жизни по Евангелию, то тогда Господь Сам восполнит недостающее и освободит нас из рук демонов-губителей. Истинно слово Христово: «*в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость Господина твоего*» (Мф. 25:23).

Христианство дает величайшее средство спасения человека – покаяние. Господь хочет, чтобы мы и здесь, и тем более после смерти не страдали. Потому Церковь призывает: человек, пока не поздно, примись за себя...

Мы свободны творить добро и зло

Почему, говоря о посмертном пути человека, постоянно подчеркиваем, что он есть испытание души – сначала на добро, а потом на зло? Почему именно **испытание**?

Потому, что Бог в самом творении человека дал ему Свой образ, который предполагает такую свободу, которой Бог Сам не может коснуться. Ибо Ему нужны свободные личности, а не рабы. Спасение – это свободное, по любви к истине, святости и красоте Его избрание, а не ради «духовных» наслаждений или угрозы наказания.

Почему Бог смирился до креста, а не явился миру всевластным, мудрейшим, непобедимым царем? Почему Он пришел к людям не патриархом, не архиереем, не богословом, не философом, не фарисеем, а нищим, бездомным, с земной точки зрения последним человеком, у которого нет ни одного внешнего преимущества ни перед одним человеком? Причина этого очевидна: власть,

могущество, внешний блеск, слава, безусловно, увлекли бы весь мир, все рабски поклонились бы Ему и «приняли» Его учение, чтобы получить как можно больше... хлеба и зрелищ. Христос же хотел, чтобы ничто, кроме истины, не привлекало к Нему человека, ничто внешнее не подменяло ее, не стояло на пути ее принятия. Не случайно Господь произнес такие многозначительные слова: *«Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего»* (Ин. 18:37). Внешние эффекты – это идолы, которые на протяжении всей истории человечества пытаются подменить собою Бога.

К сожалению, по пути внешнего, так называемого «церковного» благолепия, а точнее, чисто мирского блеска пошла во многом и церковная жизнь. Так и вспоминаются слова одного американца-протестанта, который, не только не стеснясь, но, напротив, с гордостью делился: *«У нас в церкви все должно развлекать, чтобы привлечь народ»*. А закон духовный известен: чем больше снаружи, тем меньше внутри. Еще в начале XVI века преподобный Нил Сорский пытался защитить нестяжательность в монашестве, выступал против всякой роскоши, богатства и имений в Церкви как унижающих ее и противоестественных, но его голос не был принят, точнее, был отвергнут – процесс обмирщения христианского сознания оказался уже необратимым. И совершенно очевидно, что он и привел к расколу XVII века, Петру I, Октябрьской революции, а в конце XX века – к так называемой «перестройке». И приведет к еще худшему. Ибо Церковь является «закваской» общества, и ее духовное состояние обуславливает внутреннее и внешнее благосостояние народа.

Святитель Филарет Московский в XIX веке с горечью говорил: *«Как скучно видеть, что монастыри все хотят богомольцев, то есть сами домогаются развлечения и искушения. Правда, им недостает иногда способов, но более недостает нестяжания, простоты, надежды на Бога и вкуса к безмолвию»*. И он же: *«Если бы надлежало объявить войну какой одежде, то, по моему мнению, не шляпам священнических жен, но великолепным рясам архиереев и священников. По крайней мере, это во-первых, но сие-то и было забыто. «Священницы Твои, Господи, да облечутся правдою» (праведностью)»*. Найдется, возможно, и сейчас святитель, который

скажет подобное о современной церковной жизни.

Так вот Господь своим пришествием показал, что Он есть не только величайшая Любовь, но и величайшее Смирение, и Он не может оказать никакого, даже малейшего, давления на человеческую свободу, поэтому спасение возможно каждому, кто свободно примет Бога, ответит на Любовь любовью. Отсюда становится понятным, почему так важны земные условия жизни. Только находясь в теле, человек является человеком во всей полноте и может творить добро или зло, грешить, нарушать заповеди, или каяться и вести праведную жизнь. На земле осуществляется наша свобода, наш выбор. По смерти уже нет выбора, а происходит реализация совершенного на земле выбора, обнаруживаются плоды земной жизни. Душа просто оказывается перед лицом результата всей земной деятельности человека. Поэтому там, в ином мире, человек уже бессилён изменить себя - ему можно лишь помочь. Но об этом позже.

Что же происходит в *той* жизни дальше, после того, как душа прошла испытания с 9-го по 40-й день?

В этот день подводятся, можно сказать, первоначальный итог жизни. 40-й день, если хотите, - это первое собрание плодов земной жизни человека. Церковь учит, что душа предстает престолу Божию, перед которым происходит Божие определение о человеке. Но точно также правильно будет сказать: происходит **самоопределение** человека перед лицом Божиим. Ведь Бог никакого насилия ни над одной личностью не совершает. Бог есть величайшая, предельная Любовь и Смирение. Потому, когда в 40-й день душа каким-то особенным образом предстоит Богу, то, видимо, здесь ей во всей полноте открывается ее духовное состояние и происходит ее естественное соединение или с Духом Божиим, или с духами мучительных страстей. Это Церковь называет частным судом, частным определением личности.

Только суд этот необычный - не Бог человека судит и осуждает, а человек, оказавшись перед лицом Божественной святости, сам или восходит к Нему, или, напротив, ниспадает в бездну. И все это зависит уже не от его воли, а от того духовного состояния, которое явилось результатом всей его земной жизни.

Однако определение Божие в 40-й день, по учению Церкви, – это все же не последний суд. Будет другой и окончательный, он называется Страшный Суд. На нем участь многих и многих людей, по молитвам Церкви, изменится.

Как правильно молиться об усопших

Действительно, не напрасно же Церковь молится об усопших. Если бы *там* невозможно было изменение духовного состояния души, тогда зачем было и молиться? Однако Церковь за каждой литургией поминает усопших и призывает к молитве всех верующих, научая их, как правильно это делать. Она говорит, что особенно важна молитвенная помощь душе в течение первых 40 дней по кончине человека. Она, конечно, необходима и после. О какой молитве идет речь?

Отвечая на этот вопрос, необходимо показать два совершенно разных понимания молитвы и отношения к ней. Одно – внешнее, обрядовое, или, если использовать язык Евангелия, законническое, другое – искреннее, жертвенное, покаянное.

К великому сожалению, первое, как правило, преобладает – молитву часто подменяют ее формой. Как это происходит? Очень просто. По незнанию, а то и по лени и самооправданию, молитвой называют не молитвенное обращение к Богу с вниманием, благоговением и сокрушением сердца, а само хождение в храм, присутствие за богослужением или совершение его (если священнослужитель) без какого-либо понуждения себя именно к молитве. И все мы очень хорошо знаем, как можно *вместо* молитвы лишь поприсутствовать в храме, послушать пение, помечтать, нагрешить в мыслях и с этим коробом пойти домой. Известен случай, когда Иван Грозный спросил однажды блаженного Василия, много ли людей в храме? Тот ответил, что только два человека, а храм был полон *присутствующими*. Только двое молились, то есть были в храме.

Так вот когда умирает человек, то очень часто родные ограничиваются лишь тем, что заказывают отпевание, панихиды, сорокоусты, подают заупокойные записки, дают деньги в монастыри, в храмы и т.д. Все это хорошо, но хорошо только в том случае, когда не оставляется главное. Ведь ясно, что Господу Богу никакие деньги

не нужны.

А что же такое – главное? Что должен сделать человек, который хочет помочь усопшему?

Мы затрагиваем в высшей степени серьезный вопрос: кто и как может помочь усопшему? Что значит молиться за него? Если Бог есть любовь, то, кажется, зачем Ему молиться, ибо Он и так сделает все, что нужно сделать. А если уже ничего нельзя сделать, тогда какой смысл молиться? Протестанты, кстати, и отвергли молитвы за усопших. Православная же Церковь с самого начала своего существования утверждает необходимость молитвы за них. И к этому есть серьезные основания.

Церковь утверждает, что состояние человека, оказавшегося после смерти в узах страстей, **можно изменить**. Ведь за кого призывает молиться Церковь? За святых? Нет. За грешников. То есть она утверждает, что наши молитвы способны помочь душе избавиться от страстного демона-мучителя. Каким образом? На это Господь прямо ответил ученикам, не сумевшим изгнать беса: *«Сей же род изгоняется только молитвою и постом»* (Мф. 17:21). Этим Он разъяснил, что освобождение человека от беснования, или, что то же самое, от рабства страстям и демонам-мучителям, требует не только **МОЛИТВЫ** (которая, увы, нередко подменяется лишь проскомидийным *поминовением – без молитвы* – или *совершением*, например, панихиды и *присутствием* на ней – *без молитвы*), но и поста, то есть подвижнической жизни. Не случайно дар изгнания бесов давался Богом только редким подвижникам, а не приходским священникам и иеромонахам, которые находятся в суете мирской жизни. Поэтому даже апостолы, пытавшиеся изгнать беса просто молитвою, без усиленного подвига, потерпели неудачу. Это же происходит и с современными «отчитывателями», которые берут на себя смелость, не достигнув бесстрастия и не получив дара Духа Святого к изгнанию бесов, заниматься таким страшным делом, **внешне** подражая великим святым! Только бесстрастный способен без вреда для больного и самого себя вступить в открытую борьбу с духами тьмы. Однако таковых и в древности были единицы. Потому прямо к современным «отчитывателям» обращены обличительные слова преподобного Кассиана Римлянина: *«А кто желает повелевать*

нечистыми духами, или чудесно подавать здоровье болящим, или являть перед народом какое-либо из дивных знамений, тот хотя призывает имя Христово, но бывает чужд Христа, поелику, надменный гордостью, не следует Учителю смирения... Посему-то отцы наши никогда не называли тех монахов добрыми и свободными от заразы тщеславия, которые хотели слыть заклинателями» [23].

В Деяниях апостолов промыслительно рассказывается о таких заклинателях, которые как тогда, так и теперь дерзко рассчитывают силою слов молитв и имени Иисусова (как в магии) изгнать беса. *«Но злой дух сказал в ответ: Иисуса знаю, и Павел мне известен, а вы кто? И бросился на них человек, в котором был злой дух, и, одолев их, взял над ними такую силу, что они, нагие и избитые, выбежали из того дома. Это сделалось известно всем живущим в Ефесе Иудеям и Эллинам, и напал страх на всех их»* (Деян. 19:15-17). Это серьезнейшее предупреждение всем современным отчитывающим и отчитывающимся вопреки тысячелетней традиции Русской Церкви и учению Святых Отцов.

Но вернемся к молитве за усопших.

Вот, например, поразительный случай, который описывается в древнем житии святителя Григория Двоеслова, папы Римского (который жил еще в VI веке, то есть до разделения Церквей). Он молился не за кого-либо, а за императора Траяна - одного из жестоких гонителей христиан и в то же время лучшего по своей справедливости императора, который и христиан-то гнал в силу своей справедливости и уверенности в необходимости исполнения закона. Именно его редкая для Римских императоров справедливость и честность явились для свт. Григория Двоеслова причиной молитвы за него. Траян заступился однажды за бедную беззащитную вдову, находившуюся в отчаянном положении, и свт. Григорий был настолько тронут этим его поступком, что стал усиленно, с подвигом, молиться за него. В результате ему было открыто, что молитва его принята. Как это понять? Ведь Траян не только не был крещен, но и был гонителем христиан. Но что слышим: *«Пусть никто не удивляется, когда мы говорим, что он (Траян) был крещен, ибо без крещения никто не узрит Бога, а третий вид крещения - это*

крещение слезами» [24]. Чьими же слезами? – Святого Григория. Вот какова может быть сила молитвы, соединенной с **постом!** *«Хотя это и редкий случай, – поясняет иеромонах Серафим (Роуз), – но он дает надежду тем, чьи близкие умерли вне веры»* [25]. Святой Исаак Сирий писал: *«Всякая молитва, в которой не утруждалось тело и не скорбело сердце, вменяется за одно с недоношенным плодом чрева, потому что такая молитва не имеет в себе души»* [26].

Побудь хотя бы сорок дней христианином

Православная Церковь открыла нам великую истину. Она утверждает, что все мы, верующие, составляем один живой организм, а не горох в мешке, где горошины толкаются, да еще больно ударяют друг друга. Мы – живые клеточки в живом Телес Христовом.

Апостол Павел написал удивительные слова – простые, кажется, но имеющие в высшей степени важное значение: *«Не может глаз сказать руке: ты мне не надобна; или также голова ногам: вы мне не нужны»* (1 Кор. 12:21). Мы все – одно тело. А в одном теле состояние любого органа и даже больше – состояние любой клеточки отзывается на всем организме и на каждой другой клеточке.

А чем характеризуется живой организм? Как можно понять его жизнь?

Вот подходит ко мне студент и говорит, что идет к врачу: зуб болит.

- Ну, говорю, и что, болит же зуб, а не ты? А ты-то чего корчишься? Пусть он болит – тебе-то какое дело?

Студент кисло улыбается:

- Вот вам бы все шутить, Алексей Ильич... Все взаимосвязано в живом организме.

О характере же связи с Церковью других людей, неправославных и нехристиан, которые по каким-то причинам не приняли христианскую веру и Крещение, мы не можем судить, ибо не знаем ни об их духовном состоянии, ни обо всех объективных обстоятельствах их жизни. Мы можем и должны знать об истинной и ложной вере, но ни об одном человеке никогда не сможем сказать, что он погиб, то есть вечно и навсегда будет вне Церкви. Ибо знаем

точно, что первым в рай, то есть в Церковь, вошел тот, кто по суду человеческому, несомненно, был погибшим человеком, ибо он был разбойник. Лишь Церковь своей анафемой может произнести такой суд. Пока же такого суда нет – для каждого христианина открыта дверь веры для молитвы за любого человека, независимо от его веры и убеждений, независимо от того, жив он или скончался.

И вот здесь мы подходим к наиболее тонкому вопросу: как человек может духовно помочь другому, тем более усопшему? Оказывается, точно по тому же принципу, по которому одна живая клетка или орган помогают другим в организме. Если один глаз ослеп, то другой вдвойне трудится. Одна нога повредилась – другая соответствующую часть нагрузки берет на себя. Это естественный закон взаимоподдержки, если хотите, взаимоспасения. Одна клетка помогает другой. Чем? Отдавая часть себя, жертвуя, если хотите, своими силами, своим здоровьем, собою. Более здоровая клетка или орган могут взять на себя функции больных и тем самым оказать им реальную помощь. Точно то же происходит в мире физического и духовного взаимообщения людей.

Только здоровый человек может взять на себя функции больного и тем самым помочь ему. В походе, например, когда один человек подвернул ногу, мы берем его рюкзак и распределяем на всех. То есть **на себя** берем его ношу. А кто берет больше всех? Самый сильный, естественно. Так ведь? Так! Это образ, объясняющий и открывающий нам тайну молитвы за других – и живых, и умерших. Мы можем духовно помочь другому, **только** очищаясь, оздоравливаясь сами. То есть в том случае действительна наша молитва, когда она основывается на личном труде исполнения заповедей Христовых, на подвиге борьбы со своими страстями. Тогда она смиряет и укрепляет нашу душу, возрождает в ней сердечную любовь к другим. Такая душа становится способной и к действенной молитве за усопшего.

Но наша беда, повторяю, состоит в том, что мы часто ограничиваемся лишь внешней стороной поминовения: панихиды, сорокоусты, записки, свечи и т.д. Хотим без труда над собой вынуть рыбку из пруда. Без малейшего подвига борьбы со своим ветхим человеком хотим починить ветхость другого. Если у меня много денег – так хоть во все монастыри пошлю, в храмы, всем батюшкам и матушкам! И это

называется – я помолился. Там кто-то **вместо меня** помолится, а я при этом палец о палец не ударю, чтобы ради любимого (!) родного хотя бы чуть-чуть воздержаться от гнева, злословия, осуждения, чревоугодия и проч., понудить себя к исповеди и причащению, к чтению слова Божия, Святых Отцов, к помощи нуждающимся, больным и т.д. Мы ведем себя как типичные язычники, в результате чего все дары наши в монастыри и храмы оказываются бесплодными. Господь сказал: *«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что даете десятину с мяты, аниса и тмина, и оставили важнейшее в законе: суд, милость и веру; сие надлежало делать, и того не оставлять»* (Мф. 23:23). Как видим, Господь, не отвергая внешних дел, в то же время с угрозой предупреждает: *«Горе вам, лицемеры»*, если ограничиваетесь *«десятиной»* и не делаете главного. Главное же: **суд** – рассудительное, разумное, по Евангелию, отношение к своей духовной жизни, то есть к своим мыслям, желаниям, чувствам, делам; **милость** – милосердие к нуждающимся и великодушие к согрешающим; **вера** – личная молитва, личная праведная жизнь, личное покаяние, личный подвиг.

Вот только когда наша молитва может действительно помочь другому человеку. Вот когда она будет не пустой формальностью, а действенной силой!

Приведу в качестве примера такой случай. У одного священника дочка сломала ногу. И он, будучи и так человеком воздержным, принял такое решение: *«Я больше ни глотка вина не выпью до тех пор, пока сломанная нога дочери не станет здоровой»*. Естественно, он не ограничился только этим. Но что важно – ограничил свою плоть, отнял от себя часть приятной жизни ради того, кого любил. Это было реальное проявление любви, была реальная жертва. И она, соединенная с молитвой, принесла свой благой плод – не только телесный, но и, что несравненно больше, духовный.

Особенно жертвенная молитва, то есть соединенная с отречением хотя бы от какого-нибудь малого удовольствия, нужна покойному в первые 40 дней. И если кто на самом деле хочет помочь своему сыну, дочери, матери, мужу, жене, сестре, брату – тому, кого он искренне любит, то средство одно – отдай, человек, часть своей души. Возьми на себя хотя бы маленький подвиг. Поживи эти 40 дней в

воздержании тела, воздержании чувств, воздержании мысли, в понуждении себя к молитве, к чтению слова Божия. Примиришь с врагами своими. Добро сделай ненавидящим тебя – по заповеди Божией. Поборись со своими страстями (лицемерием, лукавством и прочими), постарайся никого не осуждать, никому не завидовать, не отвечать на зло злом, чаще исповедуйся и причащайся святых Христовых Таин. Очисти хоть немножко свою душу, хоть на короткое время возьми подвиг на себя – ради своего ближнего. Любовь обнаруживается жертвой. И чем больше человек любит усопшего, тем усиленнее он будет подвизаться – ну хотя бы 40 дней, а может, и больше – это зависит от силы его любви к усопшему. Вот какая помощь нужна родному, близкому, любимому усопшему. Скажи себе: *«Хотя эти 40 дней постараюсь пожить по-христиански, постараюсь быть христианином»*. Только в таком случае твоя молитва к Богу и твои подаяния, твои записки и заказные богослужения могут принести действительную пользу усопшему.

Нетрудно ведь понять, что редко можно найти такого человека (мирянина, священника, монаха), который взял бы на себя телесный подвиг отречения от каких-то удобств, развлечений, удовольствий и стал совершать усиленную молитву ради вашего усопшего. Как правило, все ограничивается *поминовением*. Но молитву нельзя заменить только формой – произнесением имени и выниманием частицы из просфоры – этого демоны-мучители не боятся, они изгоняются *«молитвою и постом»* (Мк. 9:29). Потому так необходима своя молитва, милостыня бедным, утешение скорбящих. Потому великое благо – найти и сомолитвенника молящегося. Но это трудно.

В чем суть такой молитвенной помощи? Неверно было бы думать, что она является своего рода «выкупом» за усопшего (странно представлять Бога-Любовь как грозного судью, требующего воздаяния). Чтобы ответить на этот вопрос, задумаемся: почему человек бывает побежден теми или иными страстями? Ответ ясен. Потому, повторяюсь, что он не сражается с тем небольшим грехом, с которым еще имеет силы бороться и побеждать, но добровольно уступает ему и тем самым открывает двери своей души дьяволу, духовно соединяясь с ним. Многократно повторяемый грех

перерастает в страсть, которая и приобретает власть над человеком. Страсть – это постоянно открытая дверь для воров и разбойников. Как же можем мы помочь другому человеку, да еще пребывающему в мире ином и уже не имеющему свободы, избавиться от погубивших его страстей, когда мы сами в условиях свободы не боремся с ними! Только искренний подвиг правильной христианской жизни дает нам в руки орудие помощи другим. Тогда, духовно соединяясь с Богом, как писал преп. Антоний Великий («когда бываем добры, то вступаем в общение с Богом, по сходству с Ним»), и в меру этого единения мы становимся способными к духовному единению с душой другого человека, способными помочь ей подняться, изменить свое состояние. Поэтому чем чище наша душа, тем большую помощь можем мы оказать душе усопшего. Она там *через нас* может соединиться с Богом в той мере, в какой мы здесь приобщаемся Ему. Вот примерная картина того, как и при каком условии наши молитвы могут быть действенными и спасительными для наших усопших. В такой молитве происходит соединение душ человеческих. Но не просто соединение, а соединение в Боге. Поэтому нельзя верить глупым басням о том, что за кого-то нельзя молиться, будто бы это опасно. Молитва всегда полезна. И если даже она окажется неспособной помочь усопшему, то непременно поможет молящемуся.

Геенна

Какова же вечная участь тех, кто не старался жить добродетельно, а проводил жизнь в страстях, во зле, как все мы, а то и вообще в Бога не верил? Вопрос будущей жизни человека волновал всех и всегда. Но сложность его понимания заключается не только в том, что то закрыто от нас непроницаемой завесой, но и в том, что вечность – это совсем не время, и для человеческого сознания, погруженного в поток времени, ее невозможно даже представить. Но в этом и нет необходимости. Господь дал Свое Откровение только с одной-единственной целью – привести человека к спасению (тогда все и увидим «лицем к лицу» – 1Кор.13:12), а не с тем, чтобы преждевременно открыть тайны будущего века любопытствующему рассудку. Потому все Откровение носит педагогический, воспитательный, а не отвлеченно-познавательный характер. С той же целью и возвещается о рае и аде. В Откровении нет бесполезных

сообщений, в нем все глубоко сотериологично. Оно говорит лишь столько и то, что необходимо и полезно человеку в земной жизни для наследия жизни будущей. Потому и Церковь устами Святых Отцов и голосом постановлений Вселенских Соборов просто возвещает, повторяя Евангелие: да, для праведных будет царство вечной жизни и света, а грешные пойдут в муку вечную. И точка. Даже не ставился за редчайшими исключениями такой мучительный для многих вопрос: как понять учение о Боге любви, если Он, зная, что эти люди погибнут, дал им жизнь?

Этот вопрос имеет серьезное апологетическое значение. Но любой разумный человек понимает, что если даже в познании этого тварного, пространственно-временного мира мы наталкиваемся на непреодолимые границы, то тем более это должно иметь место в отношении *того* мира. И будущая жизнь – это просто тайна. Бердяев точно сказал, что эта проблема *«есть предельная тайна, не поддающаяся рационализации»* [27].

Может быть, поэтому самым разумным на этот вопрос мог быть такой искренне смиренный ответ. Мы не знаем, что такое вечность, нам не открыто, что такое новое небо и новая земля, нам не понять жизнь в новом теле и т.д., потому оставим мечту решить уравнение с многими неизвестными, склонимся перед любовью и премудростью Божией, поверим, что у Него не может быть ни неправды, ни мести, но есть только безграничная любовь и, следовательно, вечность для каждого человека будет самой полезной и соответствующей его духу. Преп. Иоанн Дамаскин писал об этом вполне определенно: *«Бог и диаволу всегда предоставляет блага, но тот не хочет принять. И в будущем веке Бог всем дает блага – ибо Он есть источник благ, на всех изливающий благодать, каждый же причащается ко благу, насколько сам приуготовил себя воспринимающим»* [28].

В связи с этим приведу и мысль святого Исаака Сирина, великого подвижника VII века и бесспорного авторитета в духовной жизни: *«Если человек говорит, что лишь для того, чтобы явлено было долготерпение Его, мирится Он с ними [грешниками] здесь, с тем, чтобы безжалостно мучить их там, – такой человек думает невыразимо богохульно о Боге.., Такой [человек]... клеветает на Него»* [29]. *«Где любовь, там нет возмездия; а где возмездие, там*

нет любви. Любовь, когда совершает добрые дела или исправляет прошлые поступки, не воздаёт тем самым за дела прошлого. Но заботится она о том, что наиболее полезно в будущем: она исследует грядущее, а не прошедшее» [30].

«Хотя и [говорится] о ярости, гневе, ненависти и прочем применительно к Создателю, мы не должны представлять, что Он также и делает что-либо из гнева, ненависти или зависти. Многие образы употреблены в божественных Писаниях по отношению к Богу, которые весьма далеки от естества Его» [31].

«Он [Бог] ничего [не делает] ради возмездия, но взирает на пользу, которая должна произойти от Его [действий]. Одним из таких [предметов] является геенна... Не для того милосердней Владыка сотворил разумные существа, чтобы безжалостно подвергнуть их нескончаемой скорби – тех, о ком Он знал прежде их создания, во что они [превратятся после сотворения], и которых Он [все-таки] сотворил» [32].

Григорий Чудотворец и Григорий Нисский, родной брат Василия Великого, также считали, что вечные муки не бесконечны. Ибо понятие вечности не означает бесконечности. Множество людей, споткнувшихся на мытарствах и оказавшихся в вечных муках, по молитвам Церкви выходят оттуда и входят в Царство Божие. Вспомним хотя бы историю с императором Траяном! Все это говорит о том, что состояние вечности не означает безусловной окончательности, оно может измениться, и только в положительную сторону.

А вот еще слова Исаака Сирина:

«Если бы Царство и геенна с самого появления добра и зла не были предусмотрены в сознании благого Бога нашего, тогда не были бы вечными помыслы Божии о них; но праведность и грех были известны Ему прежде, чем они проявили себя. Таким образом, Царство и геенна суть следствия милости, которые в своей сущности задуманы Богом по Его вечной благодати, а не [следствия] воздаяния, даже если Он и дал им имя воздаяния» [33].

Обратим внимание: Исаак Сирин хочет сказать, что все деяния Божии промыслительны, что они исходят только из любви. Нет у Бога

воздаяния, то есть нет мести, нет гнева, нет наказания – как это бывает здесь, на земле, когда мы бываем наказываемы людьми за какие-то проступки. Все действия Божии продиктованы только любовью.

Он уподобляет Бога отцу, который не ради наказания, а ради пользы, и только пользы ставит ребенка в ситуацию, которую тот по неразумию может воспринимать как наказание, но она, оказывается, дана ради его блага. Поразительно утверждение Исаака Сирина, что сама геенна есть не что иное, как последнее промыслительное средство любви, которое использует Бог в качестве спасения человека. *«Не для того милосердный Владыка сотворил разумные существа, чтобы безжалостно подвергнуть их нескончаемой скорби»!* Здесь, можно сказать, впервые с такой ясностью дан святоотеческий ответ на вопрос: зачем существует геенна? И он оставляет надежду на наступление того «времени», когда *«будет Бог все во всем»* (1Кор. 15:28).

Царство Божие и геенна огненная – следствия милости, а не воздаяния, даже если Бог и дал им имя – воздаяние! Как это понять? Определенным ответом служат слова святителя Иоанна Златоуста: *«Потому Он [Бог] и уготовал геенну, что Он – благ»* [34]. Эти слова указывают на то, что для человека с адским состоянием души невыносимо пребывание с Богом, и Господь по Своей благодати дает возможность такому существу быть вне Себя. То есть Бог, до конца сохраняя неприкосновенной свободу разумной твари, проявляет свою благодать по отношению к ней тем, что предоставляет ей возможность быть «там», где она может быть. Ибо *«адские муки, – как писал прот. С. Булгаков, – происходят от нехотения истины, ставшего уже законом жизни»* [35].

Свт. Григорий Богослов, не дерзая присваивать себе Суд Божий, как известно, допускал возможность посмертного спасения через ад или, как он сам выражался, посредством крещения в огне. Он писал, правда, о тех людях, которые умерли вне границ исторической Церкви:

«Может быть, они будут там крещены огнем – этим последним крещением, самым трудным и продолжительным, которое поедает вещество как сено и потребляет легковесность всякого

греха» [36].

Из утверждений Святых Отцов, предполагавших о возможности спасения из адского огня, глупый (простите за это выражение) человек может сделать вывод:

- Ага, значит, если муки не бесконечны, то можно жить без оглядок на них, жить в свое удовольствие!

Но послушайте, с какой силой св. Исаак Сирийский предупреждает такое легкомыслие: *«Остережемся в душах наших... и поймем, что хотя геенна и подлежит ограничению, весьма страшен вкус пребывания в ней, и за пределами нашего познания – степень страдания в ней»* [37].

Страшный путь – войти в Царство, пройдя гееннский опыт «блага» вне Бога. Апостол пишет: *«...каждого дело обнаружится; ибо день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть. У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду. А у кого дело сгорит, тот потерпит урон; впрочем, сам спасется, но так, как бы из огня»* (1Кор. 3:13-15).

Прекрасный образ, показывающий, что и состояние спасения может быть различным. Для одних оно со славой, честью, наградой, другой спасется, но как из огня.

Кто захотел бы получить какое угодно колоссальное наследство, но пройдя через долговременные и жестокие пытки страшных садистов? Уверен, никто из тех, кто имеет представление об этом и тем более опыт тяжелых страданий. Когда российские представители на одной Международной конференции демонстрировали видеокассеты, где было записано, что делали бандиты в Чечне с военнопленными, многие не могли этого вынести, закрывали глаза, уходили из зала. Даже смотреть невозможно – а если самому подобное испытать? Действительно, ни за какие блага! Так и с геенной – если бы только можно было показать, какие страдания переносит человек, когда в нем во всей силе откроются и начнут действовать страсти, то никто не захотел бы, наверное, пожить сейчас «как следует» – а там что будет. Нет, избави Бог – только бы не попасть в те страшные руки!

Вот почему мы слышим в Священном Писании такие сильнейшие предупреждения: *«...и пойдут сии в муку вечную»* (Мф. 25:46),

«извержены будут во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов» (Мф. 8:12). Вот почему с такой настойчивостью, с такой силой, ссылаясь и на постановления Вселенских Соборов, Церковь предупреждает нас об угрозе вечных мучений. Любовь не может не сделать всего того, что можно, чтобы спасти любимого от страданий. Поэтому *«остережемся в душах наших, возлюбленные»!*

Что нас ждет на Страшном Суде?

Что означает – Страшный Суд? Не подумайте, что в течение всей человеческой истории Бог был любовью, а уж на Страшном Суде, извините, – теперь только по справедливости. Ничего подобного! Неразумно представлять Бога на этом Суде как какого-нибудь деспота. Страшным последний Суд называется не потому, что Бог «забывает» о любви и поступает по какой-то бездушной «правде» – нет, а потому что здесь происходит окончательное самоутверждение, самоопределение личности: способна она быть с Богом или уйдет от Него, останется вне Его навсегда. Но может ли такое быть? Хотя это и тайна будущего века, однако психологически понять отвержение Бога можно.

В качестве примера приведу один случай. Однажды в старые добрые времена один сельский учитель спас от смерти петербургского аристократа, который зимой сбился с пути, его занесло снегом, и он погибал. Сами понимаете, насколько благодарен был ему спасенный. И вот через какое-то время он пригласил учителя в Петербург и устроил в его честь великосветский прием, созвав своих родных и друзей. Кто был на больших приемах, представляет, в каком положении оказался учитель, увидев перед собой множество вилок, ножей, тарелочек и прочих принадлежностей торжественного стола, которых он никогда в глаза не видел. Не бывая ни разу в жизни на таких приемах, бедняга не знал, что и делать: то возьмет что-то не той рукой, то не знает, как за кушанье приняться – сидит, обливаясь холодным потом. В его честь произносятся тосты, а он не умеет и ответить. Изнемогая от жажды, он выпил воду из овального блюдечка, стоявшего перед его тарелками. И каков был его ужас, когда он увидел, как гости омывают свои пальчики в этих тарелочках. Тут он вообще чуть в обморок не упал. Так этот великолепный прием стал для нашего учителя настоящим адом. Потом всю оставшуюся

жизнь он нередко вскакивал по ночам в холодном поту – ему вновь снился этот великосветский прием в его честь.

Вы, наверное, понимаете, к чему я это говорю. Что такое Царство Божие? Это духовное единение с Богом, Который есть бесконечная полнота любви, кротости и смирения. И вот теперь представьте себе, как будет себя чувствовать в этом Царстве человек, который наполнен свойствами прямо противоположными – ненавистью, злобой, лицемерием и пр. Чем было бы для него Царство Божие, если бы он вдруг оказался в нем? Тем самым, чем был для бедного учителя аристократический прием. Для него царство Бога было бы адом в адской степени. Злобное существо не может пребывать в атмосфере любви, в атмосфере царства Бога.

Теперь становится понятным, что может произойти на Страшном Суде. Не насилие над личностью, подобно тому, как древнегреческая богиня Фемида с завязанными глазами отправляет людей – одного направо, другого налево – в зависимости от их дел. Нет! Бог есть любовь. Не случайно преподобный Исаак Сирий говорит: *«...мучимые в геенне поражаются бичом любви... терпят мучение вящее всякого... возможного наказания. Неуместна человеку такая мысль, что грешники в геенне лишаются любви Божией... Но любовь силою своею действует двойко: она мучит грешников... и веселит собою соблюдавших долг свой»* [38].

Возможно, будут личности, сознательно отвергшие любовь Божию. Но человек, отвергающий Бога, уходит сам, и это для него благо, ибо его ненависть не в силах вынести пламени любви Божией. Так же как и для сельского учителя мучением оказался великолепный прием в его честь.

Бог не нарушает нашей свободы. И поэтому двери ада, если хотите, могут быть заперты только изнутри – самими его обитателями. Там остаются только те, которые сами не захотели или не захотят из него выйти.

Мысль о том, что причиной пребывания грешников в аду, не исключая самого дьявола, является их свободное «не хочу», высказывали целый ряд Отцов: Климент Александрийский, свт. Иоанн Златоуст, свт. Василий Великий, преп. Максим Исповедник,

преп. Иоанн Дамаскин, преп. Исаак Сирийский, св. Николай Кавасила и др.

Здесь необходимо сказать о принципиально важном изменении, которое произойдет с человеком в конце бытия этого мира. Из учения Святых Отцов вытекает, **что по всеобщем воскресении человек вновь приобретает** свою природную полноценность и с ней **свободу и волю к самоопределению**. На Страшном Суде окончательная судьба человека решается уже им самим, его волей, он **вновь обретает и возможность покаяния**, то есть духовного обновления, исцеления – в отличие от посмертного состояния души, которое полностью определялось характером ее духовности. Отсюда и особенность Страшного Суда – человек сам в последний раз и окончательно определяется: быть ему с Богом или **добровольно** отойти в неугасимый пламень и непрестающий тартар (холод) вечных страстей. Христос не может нарушить человеческую свободу.

И еще об одном факте можно с полной уверенностью говорить: на Страшном Суде перед каждым человеком, веровавшим и неверовавшим, во всей силе и яркости откроется великий подвиг Христов, Его жертвенная любовь, Его потрясающее самоуничтожение ради спасения человечества. И трудно предположить, чтобы такая Жертва не тронула, точнее, не потрясла сердца воскресших людей. Посмотрите, какое большое впечатление, несмотря на все свои недостатки, произвел фильм «Страсти Христовы» Гибсона. А здесь перед лицом каждого откроется сама реальность Креста и слава Воскресшего. Без сомнения, это в огромной степени определит положительный выбор великого множества людей. Такому выбору конечно же будет способствовать и печальный опыт мытарств, показавших действительную «сладость» страстей и пребывания без Бога.

Еще раз подчеркну: Страшный Суд – это такой момент, когда будет подведен итог всего жизненного и **посмертного** духовного пути, когда процесс роста, процесс становления, самоопределения личности будет закончен. Этот момент действительно страшен, и дай Бог, чтобы он завершился с великой пользой для всех людей.

«Христос - спаситель всех человеков...» [39]

См. также критику настоящей главы:

- [О вечности](#) игумен Нестор (Кумыш)
- [Спасутся ли все?](#) Леонов А.М.
- [Без Христа спасенья нет](#) Юрий Максимов

Святой Исаак Сирий писал с полной уверенностью: *«Грешник не в состоянии и представить себе благодать воскресения своего. Где геенна, которая могла бы опечалить нас? Где мучение, многообразно нас устрашающее и побеждающее радость любви Его? И что такое геенна перед благодатью воскресения Его, когда восставит нас из ада, соделает, что тленное сие облечется в нетление, и падшего во ад восставит в славе?.. Есть воздаяние грешникам, и вместо воздаяния праведного воздает Он им воскресением; и вместо тления тел, поправших закон Его, облакает их в совершенную славу нетления. Эта милость - воскресить нас после того, как мы согрешили, выше милости - привести нас в бытие, когда мы не существовали»* [40].

Эти слова Преподобного из его знаменитых «Слов подвижнических», изданных в 1858 году (многие поймут, почему я делаю такое уточнение), можно сказать, поражают. Не праведник, а *«грешник не в состоянии и представить себе благодать воскресения **своего**»*. Более того, святой Исаак говорит, что Христос *«вместо воздаяния праведного облакает их»*, грешников, *«в совершенную славу нетления»*. Исаак всеобщим воскресением упраздняет саму геенну: *«Где геенна, которая могла бы опечалить нас»*, грешников? Хорошо, что он живет не сейчас, а то досталось бы ему нынче - от некоторых современных богословов, предвосхищающих Суд Божий. Вместе с Исааком Сирийским досталось бы и св. Иустину Философу, и святителям Григорию Чудотворцу и Григорию Нисскому, и Григорию Богослову, и преподобным Иоанну Дамаскину и Максиму Исповеднику, и еще многим - так крепко досталось бы, что и из «еретиков» не выбраться...

Вопрос о спасении неправославных, иноверных, неверующих очень животрепещущий - он беспокоит многих людей, особенно только что приходящих к Церкви. Суть его проста:

- Так что же? Спасаются одни православные, а из православных спасается только горстка праведников? Бог что же, не знал, когда творил человека, что почти все погибнут? Ну и хорош же ваш Бог. А вы говорите, что Он любовь. Какая же это любовь, хуже не придумаешь!

Послушаешь такие упреки – больно становится. Но виновны мы, когда своей недоговоренностью или, еще хуже, формальным подходом к некоторым «большим» вопросам даем основание для таких мыслей и выводов.

Но как же, действительно, можно ответить на этот вопрос? Вопрос, по которому у Святых Отцов находим разные высказывания. Есть Святые Отцы, которые прямо говорят, что спасаются только православные, что только в лоне Православной Церкви возможно спасение, а вне ее – нет спасения. На Вселенских соборах осуждено было мнение о всеобщем спасении. Правильно? Правильно. А есть Святые Отцы, которые говорят, что Христос – Спаситель всех людей. Правильно? Да. Так как же на самом деле правильно?

Попытаюсь проиллюстрировать это простым примером. Во время Второй мировой войны, говорят, было несколько совершенно достоверных случаев, когда самолет сбивали, летчик падал без парашюта и – оставался не только жив, но даже невредим. Каким образом? Эти случаи произошли зимой, летчик попадал под откос, где была большая толща снега, которая его спасала. Можно ли отсюда сделать вывод, что без парашюта прыгать безопасно? Нет. Спасение возможно только с парашютом, *но* как исключение бывает, что и без него спасаются.

Православие указывает истинный путь спасения.

Прочие указывают свои пути. Но какие? Приблизительно так: чтобы из Москвы попасть в Петербург, можно лететь через Нью-Йорк или через Австралию, или плыть через Тихий океан, да еще в одиночной лодке. Можно такими путями и такими средствами передвижения добраться до Петербурга? Можно, в общем-то, но очень трудно и опасно, и долго, и... и... и... Кроме того, верно ли обозначена цель, как понимается спасение, что есть грех, а что добродетель и т.д.?

Мы можем и должны искать и исповедовать правую веру, понимая,

что ложная вера гибельна. Но мы практически никогда (за исключением решений Церкви) не можем сказать ни об одном человеке, что он погибнет. Душа другого человека всегда остается тайной для нас. Господь в Евангелии осудил многих правоверных «праведников» и, напротив, принял и оправдал откровенных грешников. Первым в рай вошел разбойник. Поэтому когда речь заходит о мировоззрении, то естественно говорить об истинном пути и заблуждении, но, говоря о конкретном человеке, мы должны умолкнуть и дать место Суду Божию, помня слова Апостола: *«Внешних же судит Бог»* (1Кор. 5:13).

Вне Церкви нет спасения. Но каким путем входит человек в нее? Как оказались в ней ветхозаветные праведники? Можно ли безусловно отождествлять каноническую Церковь с Церковью – Телом Христовым?

Когда Святые Отцы говорят, что спасение только в лоне Православной Церкви, этим самым они не утверждают, что спасутся только православные, а из православных только те, что живут праведной жизнью, лишь небольшая группа, а все остальные, то есть весь мир, непременно погибнут.

Вы знаете, что сейчас на земном шаре уже свыше 6 миллиардов людей, православных же – около 170 миллионов, все прочие или неправославные, или вообще не христиане. Можно ли утверждать, что все эти миллиарды погибнут? Один из известных русских подвижников-исповедников XX века – епископ Афанасий (Сахаров) писал: *«Для меня дороже всего Православие. Я не могу его и сравнивать с каким-либо другим исповеданием, с какой-либо другой верой. Но я не дерзаю сказать, что все неправославные погибли безнадежно. У Господа многая милость, и многое у Него избавление»*. *«Так молиться о неправославных можно и должно»* [41].

А что означает библейская история о послании Богом пророка Ионы в языческую Ниневию с проповедью покаяния (Ион. 1:2)? *«И поверили Ниневитяне Богу, и объявили пост, и оделись во вретища, от большого из них до малого»* (Ион. 3:5). И Бог принял покаяние язычников: *«Мне ли не пожалеть Ниневию, города великого, в котором более ста двадцати тысяч человек, не умеющих*

отличить правой руки от левой, и множество скота?» (Ион. 4:11). Интересно, насколько православным было представление о Боге у ниневийских язычников? И если Бог помиловал их здесь за покаяние, то неужели не помилует их там?

Преп. Нектарий Оптинский считал, что «простой индус, верящий во Всевышнего и исполняющий, как умеет, волю Его, – спасется. Но тот, кто, зная о христианстве, идет индусским путем, – нет» [42].

*А что означают слова апостола Петра: «Бог нелицеприятен, но боящийся Его и поступающий по правде Его приятен Ему» (Деян. 10:34-35)? Или апостола Павла, что Христос «Спаситель всех человеков, а наипаче [особенно, тем более] верных» (1Тим. 4:10)? Или: «слава и честь и мир всякому, делающему доброе, во-первых, чудею, потом и эллину! Ибо нет лицепрятия у Бога» (Рим. 2:9-16). Нет сомнения, что у обоих апостолов речь идет не просто о земном благе, но и о вечном спасении, причем спасении не только христиан, но и **«всех человеков»**, то есть и язычников «во всяком народе. Ибо нет лицепрятия у Бога».*

«Христос пришел не ради тех только, которые уверовали в Него, – писал свт. Иринеи Лионский, – но для всех вообще людей, которые [...] желали видеть Христа и слышать Его голос. Посему всех таковых Он во втором пришествии Своем прежде воздвигнет [...] воскресит и поставит в Свое Царство» [43].

*«Мы научены, – пишет св. Иустин Философ и Мученик, – что Христос есть перворожденный Бога, и мы выше объявили, что Он есть Слово, коему причастен весь род человеческий. Те, **которые жили согласно со Словом, суть христиане, хотя бы, считались за безбожников:** таковы между эллинами – Сократ и Гераклит и им подобные, а из варваров – Авраам, Анания, Азария и Мисаил, и Илия и многие другие» [44].*

Свт. Григорий Богослов высказывает ту же мысль: «Как многие из нас бывают не от нас, потому что жизнь делает их чуждыми общему телу; так многие из не принадлежавших к нам бывают наши, поскольку добрыми нравами предваряют веру, и обладая самою вещью, не имеют только имени» (христианина. – А.О.) [45].

Принципиальный ответ на вопрос о спасении дает Сам Господь: *«Всякий грех и хула простятся человекам; а хула на Духа не простится человекам. Если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святого, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем»* (Мф. 12:31-32). Все Святые Отцы однозначно понимают эти слова. Хула на Духа Святого – это гордость, самопревозношение человека, ожесточение человека против истины, правды, совести. *«Горе тем, которые зло называют добром, и добро – злом, тьму почитают светом, и свет – тьмою, горькое почитают сладким, и сладкое – горьким!»* (Ис. 5:20) – говорит пророк Исаия. Вообще-то Отцы говорят, что нет греха непрощительного, а есть грех нераскаянный. Просто пока состояние гордыни господствует в человеке, он не способен к покаянию, следовательно, и к спасению. Все прочие грехи, даже борьба с христианством (*«слово на Сына Человеческого»*), если они совершаются по неведению, по духовной слепоте, по причине ложного воспитания и образования и т.д., но не сопряжены с **сознательным** противлением правде и истине, – простятся, поскольку здесь остается возможность покаяния, духовного изменения, исправления.

Одним словом, в этих словах Христовых заключена та мысль, что для всех тех, которые не похулили Духа Святого, сохраняется, несмотря на их грехи и заблуждения, возможность спасения, то есть возможность стать членом Тела Христова – Церкви. И естественно, что в данном случае речь идет о вхождении в Церковь не принятием таинства Крещения в земной жизни. *«Христос... находящимся в темнице... сойдя, проповедал»*. И эта проповедь была не только ветхозаветным праведникам. Нет! А *«некогда непокорныможидавшему их Божию долготерпению»* и погибшим при потопе *«во дни Ноя»* (1Пет. 3:18-20). Но Христос не мог проповедовать **непокорным** «просто так», «на всякий случай». Его проповедь, безусловно, была спасительной, так что не *«согрешившие грехом к смерти»* (1Ин. 5:16) могли, пройдя огненный искуc страстей в аду, принять Спасителя и стать членами Его Церкви.

Не потому ли свт. Григорий Богослов и писал об огненном крещении в аду (выше мы уже приводили эти слова): *«И что мне за закон*

человеконенавистничества Новата... Может быть, они будут там крещены огнем – этим последним крещением, самым трудным, и продолжительным, которое поедает вещество как сено и потребляет легковесность всякого греха» [46]. И потому «не принявшие крещения не будут у праведного Судии ни прославлены, ни наказаны, потому что хотя и не запечатлены, однако же и не худы» [47]. Вспомним и приведенные выше слова св. Иустина Философа о том, что «те, которые делали всеобщее, естественное и вечное добро [...] подобно прежде их жившим праведникам, [...] во время воскресения спасутся чрез Христа нашего вместе с теми, которые этого Христа признали Сыном Божиим». Замечательно и то, что св. Иустин, как и другие раннехристианские апологеты, считает вполне нормальным и естественным говорить о «христианах до Христа» [48].

Преп. Максим Исповедник, объясняя слова апостола Петра (1Пет.3:18-21; 4:5-6) о сошествии Христа в ад, говорит:

«Писание называет «мертвыми» людей, скончавшихся до пришествия Христа, например бывших при потопе, во время столпотворения, в Содоме, Египте, а также и других, принявших в разные времена и различными способами многообразное возмездие и страшные беды божественных приговоров. Эти люди подверглись наказанию не столько за неведение Бога, сколько за обиды, причиненные друг другу. Им и была благовестуема, по словам св. Петра, великая проповедь спасения – когда они уже были осуждены по человеку плотию, то есть восприняли, через жизнь во плоти, наказание за преступления друг против друга, – для того чтобы жили по Богу духом, то есть, будучи во аде, восприняли проповедь Боговедения, веруя во Спасителя, сошедшего во ад спасти мертвых» [49].

Не менее интересно по этому поводу пишет преп. Иоанн Дамаскин:

«Некоторые говорят, что Христос вывел из ада только веровавших, каковы суть отцы и пророки, судьи, а вместе с ними цари, местные начальники и некоторые другие из народа еврейского – немногочисленные и известные всем. Мы же на это ответим думающим так, что нет ничего незаслуженного, ничего чудесного и ничего странного в том, чтобы Христу спасти уверовавших, ибо

Он остается только справедливым Судией, и всякий уверовавший в Него не погибнет. Так что и должно было им всем спастись и разрешиться от уз ада сошествием Бога и Владыки – что и произошло по Его Промыслу. Теми же, кто только по человеколюбию Божию спаслись, были, как думаю, все, которые имели чистейшую жизнь и совершали всевозможные добрые дела, живя скромно, воздержно и целомудренно, но веры чистой и божественной не восприняли, потому что не были наставлены в ней и остались вовсе не наученными. Их-то Управитель и Владыка всех привлек (в аду. – А.О.), уловил божественными сетями и убедил их уверовать в Него, воссияв им божественными лучами и показав им свет истинный» [50].

Выше мы упоминали о том, как душа императора Траяна была крещена в аду слезами святителя. Другой святитель – борец с католиками за Православие Марк Эфесский ссылался на этот факт как на не вызывающее сомнений церковное свидетельство:

«Некоторые из святых, молившихся не только за верных, но и за нечестивых, были услышаны и своими молитвами исхитили их от вечного мучения, как, например, первомученица Фекла – Фалконилу и божественный Григорий Двоеслов, как повествуется, – царя Траяна» [51].

Интересно в связи с этим также и мнение Духовного собора Свято-Троицкой Сергиевой лавры, высказанное в заявлении по поводу католической экспансии на территории современной России: *«Мы не можем брать на себя право судить, спасутся ли римо-католики или нет, или в какой мере действует благодать в Католической Церкви. Такого рода суд и ведение принадлежат одному Богу» [52].*

На милость Божию

Только сознательное противление очевидной истине не простится человеку ни в этом веке, ни в будущем, поскольку, повторяем, в таком состоянии невозможно покаяние.

Помните, что постановил Синедрион, когда Христос воскресил четверодневного Лазаря? Убить и Лазаря! Хотя всем уже было ясно, Кто такой Христос – сомнений больше быть не могло. Но книжники и фарисеи решили убить и Христа, и свидетеля потрясающего чуда

Божия. Вот исторический пример такого ожесточения хулы на Духа Святого. Но к такому состоянию человек приходит не просто так, не вдруг.

Можно подумать, что Христа распяли только фарисеи и книжники, священники, архиереи и первосвященники, вот мы бы такое не сделали. А задумаемся, каким образом эти люди стали «такими» – вот вопрос, на который очень важно найти ответ. Оказывается, тяжкий грех не совершается сразу. К нему человек идет долго, совершая его бесчисленное множество раз в своих мыслях, желаниях, чувствах, в сочувствии этому греху. Так приходят и к хуле на Духа Святого.

Святоотеческая мысль однозначно объясняет, как человек приходит к этому страшнейшему греху. Корни этой хулы – в культивировании **гордыни**. Ее особенно «успешно» взращивает чувство собственной праведности. Вспомните притчу о мытаре и фарисее, как фарисей хвалился, сколько доброго и праведного он делает. К кому Христос проявил Свое благоволение, кого Он оправдал, кого поставил в пример? С точки зрения непонимающего человека, это просто поразительно: поставил в пример именно того, кто был очевидным грешником. Но! – и это «но» очень важно – мытарь, как и прочие оправданные Христом грешники, действительно **видели**, что они на самом деле великие грешники и каялись. Это осознание своей греховности, их искреннее покаяние и поставлены всем в пример, поскольку покаяние есть начало реального исправления своей жизни. Мнение же о своей праведности лишает человека осознания своей греховности, лишает, таким образом, покаяния и очищения души и приводит к самооправданию.

- Я не виноват. Это виноват он, виновата она, виноваты они – словом, все на свете. Только не я. А если у меня и есть какие-нибудь грехи, то у кого их нет? Ничего особенного. В целом же я весьма хороший.

Вот где корень, из которого вырастает этот самый страшный грех хулы на Духа Святого – убеждение, что «**я хороший человек**». Чего ожидают от Бога такие «хорошие» люди? Наград, конечно, венцов, митр. Такого человека, естественно, не от чего спасать, никакого Бога-Спасителя Христа ему не нужно. Ему нужен Наградитель-антихрист.

Кто распял Христа? Лжеправедники. Недаром преп. Марк Подвижник говорил, что *«все злое и скорбное приключается нам за возношение наше»*. За возношение наше! Это наше мнение о себе, эту гордыню Макарий Великий называет **медной стеной**, стоящей между человеком и Богом, закрывающей Бога от человека.

Состояние, когда человек, как кажется, живет по Божьему закону, живет внешне праведно, а на самом деле как на дрожжах растит свое Я, очень близко к сатанизму.

И, напротив, *«во всяком народе [...] поступающий по правде приятен Ему»*.

Скажем, Русь крестилась только тысячу лет тому назад. Но разве в первую тысячу лет после Рождества Христова все русичи были хулителями Духа Святого и погибали? Господь открывает нам великую и радостную истину, которая показывает, что Он не отвергает никого из грешников, *поступающих по правде*, стремящихся к ней.

Не в этом ли заключается смысл сошествия Христа во ад в ту Великую субботу, которую мы воспоминаем каждый год перед Воскресением Христовым? Не в этом ли смысл Его проповеди в аду? Для чего нужно было это сошествие во ад? Чтобы вывести из ада всех тех, кого именуем ветхозаветными праведниками. Но кто они, эти ветхозаветные праведники? Иногда звучит ответ, который скорее вводит в заблуждение, чем открывает истину. Говорят: праведники – это те, которые верили в пришествие Мессии-Спасителя. Простите, но эта вера очень напоминает протестантскую. Разве дело в «умовой» (по свт. Феофану) вере?

Праведники – это те люди, которые в своей жизни действительно стремились осуществить правду Божию, а не свою, понимая, что они не достигают ее, видели гибельность состояния своей души и невозможность исцелиться собственными силами, то есть видели, что им нужен Спаситель. Это фактически и есть **православная вера**, главный догмат которой гласит: спасается тот, кто на своем личном опыте убедится, что ему нужен Бог-Спаситель. А если я просто верю, что исторически придет Спаситель, или соглашаюсь, что Он пришел две тысячи лет тому назад, то, по сути, я могу ничем не отличаться от

бесов, которые «веруют и трепещут» и... остаются бесами.

Извините, повторяю: праведник с христианской точки зрения – тот, кто стремится к правде, кто осуществляет ее своей жизнью и кто через этот подвиг понуждения увидит себя, насколько он недостойн той святости, той истины, к которой стремится. Увидит, что только Бог может помочь ему стать тем, кем он хочет быть. Без Бога – я весь в страстях, весь в погибели, и страсти эти меня погубят.

Ветхозаветные праведники приготавливались к спасению, следуя закону совести, по мере своего смирения, по мере познания самих себя, по силе пусть даже интуитивного ожидания Спасителя. По смерти эти люди, как и все дохристианское человечество, сходили в ад. Но спасительная Жертва Христа разрушила врата адовы. Сойдя в темницы адовы, Христос проповедал спасение всему содержавшемуся там ветхозаветному человечеству (1Пет. 3:19). Истина стала очевидной для всех там находившихся, и все не похулившие Святого Духа получили возможность принять Спасителя, соединиться с Ним, стать членами Его Тела – Церкви. В аду остались до Страшного Суда только те, для которых истина, правда, любовь, милосердие ненавистны и неприемлемы в принципе.

Помните? *«Бог и диаволу всегда предоставляет блага, но тот не хочет принять, – утверждает преподобный Иоанн Дамаскин. – И в будущем веке Бог всем дает блага – ибо Он есть источник благ, на всех изливающий благодать, каждый же причащается ко благу, насколько сам приуготовил себя воспринимающим»* [53].

Замечательно разъясняет это Климент Александрийский:

«По примеру Господа и апостолы проповедовали Евангелие в аду. Выходит, что добродетельнейшие из учеников должны подражать своему Учителю и в загробном мире – подобно тому, как они подражали Ему на земле, дабы Логос мог привлечь к себе евреев, нисшедших в ад, а апостолы – язычников, или, другими словами, всех, кто жил праведно, согласно требованиям той правды, какие предъявляли им закон и человеческая мудрость и следуя которым они впадали в частые прегрешения, будучи далеки от совершенства. Достоинству божественного замысла и подобало, чтобы, все, выказавшие большую праведность и

покаявшиеся в заблуждениях прежней жизни - даже если они в иных местах пребывают, - благодаря врожденному знанию сокровенного признали себя достойным Бога Вседержителя и были спасены. Уповаю, что это и совершит Спаситель, ибо дело Его - спасать. Он и совершил его, привлекая Своей проповедью к спасению всех, кто хочет в Него у верить - где бы те ни находились» [54].

Вот кого выводит Христос из ада: **«всех, кто хочет в Него уверовать - где бы те ни находились».**

Так же рассуждает и святитель Николай Кавасила (XIV в.):

*«И в том различие между праведными и злыми, которые в одних находились узах и тому же подлежали рабству, что одни с неудовольствием переносили оное порабощение и рабство и молились, чтобы разрушено было узилище и разрешились оные узы, и желали, чтобы глава тирана сокрушена была пленниками, а другим ничто настоящее не только не казалось странным, но они еще утешались, находясь в рабстве. И в оные блаженные дни были подобные им, кои не приняли воссиявшего в них Солнца, и старались, сколько можно, погасить Его, делая все, что, по их мнению, могло уничтожить лучи Его. Потому одни **освободились от рабства в аде**, когда явился Царь, другие же остались в узах»* [55].

Христианство дает возможность пойти истинным путем, уже здесь подготовиться к загробной жизни - и своей борьбой с грехом, и понуждением к добродетели, и покаянием освободить себе путь к Богу, то есть подготовить себя таким образом, чтобы там безболезненно достичь спасения. Человек же, который не знал христианства, а поэтому не мог вести правильную человеческую жизнь (важно понять, что христианская жизнь - это и есть правильная человеческая жизнь), - ой как много должен будет претерпеть!

Так что, живя сами в Церкви Христовой, в Церкви Православной, оставим вопрос о спасении других людей на милость Божию и неведомый нам Промысл Божий.

* * *

Все, что изложено здесь на основе святоотеческого учения и мнений Святых Отцов, естественно, является лишь небольшим фрагментом того, что можно сказать по вопросам посмертной жизни души. Как видим, Святые Отцы, прикасаясь к этой непростой теме, учитывая, что человеку можно лишь предполагать о жизни в мире **ином**, не считали, что их точка зрения окончательная. Конечно же и мои скромные субъективные размышления нельзя считать истиной в последней инстанции, но лишь толчком к более глубокому осознанию проблемы.

Вопросы о вечности

На лекциях профессора А.И. Осипова бывает много вопросов от слушателей – острых, глубоких, порой наивных или неожиданных. В этом живом диалоге часто с новой стороны раскрываются вечные истины. Из множества вопросов, заданных во время бесед А. И. Осипова, мы выбрали вопросы о вечности и жизни после смерти.

- Не получается ли, что когда, отпадая от Бога, человек помещается как бы во тьму, ему бывает хорошо по своей сущности в таком пространстве?

- Состояние человека, отвергшего Бога, это состояние господства страстей. А что такое страсти, мы все прекрасно знаем. Каково состояние человека, который находится в страшной злобе, – «хорошо» ли ему? А как мучает зависть! Помните у Данте: «*Так завистью кипела кровь моя, что если было хорошо другому, ты видел бы, как зеленею я*»? «Хорошесть» горения страстей ужасна, тем более что там нет никакой возможности угасить их огонь. Так что в адской тьме не может быть хороших состояний, она – огонь неугасающий и червь неусыпающий. Но эта духовная тьма как вполне соответствующая духовному состоянию человека, как естественная для него является в этом смысле лучшей из возможных для него (в этом его состоянии) областей обитания.

- Вы упомянули, что тьма кромешная – это состояние вне Бога. У Георгия Флоренского я прочитал цитату кого-то из Святых Отцов, где шла речь о том, что человеческая душа, так сказать, относительно бессмертна – постольку, поскольку эту жизнь дает ей Бог. Если тьма кромешная – это состояние вне

Бога, следовательно, там Бога нет, как же может существовать душа без Подателя жизни? Как это можно сопоставить?

- Вы задали вопрос, который не может быть удовлетворительно разрешен в силу того, что мы не знаем ни что такое вечность, ни что такое геенна как состояние вне Бога. Наш земной опыт совершенно не соответствует тому миру, потому и все понятия наши неспособны выразить его свойства. Здесь предел нашего рассудка. Ну а порассуждать на эту тему, конечно, интересно.

Ясно, что никто и ничто не может существовать без Бога. И, следовательно, определенное действие Божие, Его благодать, поддерживающая существование всего сотворенного – ее можно назвать бытийной, – и во тьме кромешной присутствует. Недаром Исаак Сирийский говорит, что неразумно думать, будто любовь Божия покидает грешника в аду, она будет источником его мучений. Еще раз процитирую его слова: *«Мучимые в геенне поражаются бичом [Божественной] любви! И как горько и жестоко это мучение любви! Ибо ощутившие, что погрешили они против любви, терпят мучение, вящее всякого приводящего в страх мучения; печаль, поражающая сердце за грех против любви, язвительнее всякого возможного наказания»* [56].

- Как я смогу наслаждаться в Царстве Божьем, зная, что мои близкие мучаются в аду?

- Приходится много раз говорить о том, что невозможно судить о состояниях человека там, не зная ни будущего блаженства, ни характера вечных мук. В лучшем случае можно предлагать лишь какие-то аналогии. Ну, например, когда ваш близкий человек ненавидит вас, оскорбляет, бьет, непрерывно, как сатана, лукавит и лжет, развратничает, к тому же живет грабительством и убийствами – каким будет ваше отношение к нему? Не станет ли он для вас мерзким существом, с которым вы не пожелаете иметь никакого общения? А разве мы не требуем казни негодяев и садистов? Но на земле мы видим только их дела, а если бы увидели и их души, тогда что потребовали бы для таких дьяволов?! Вот там и откроется нашим глазам состояние душ всех людей и произойдет естественное соединение с одними и полное отторжение от других, кем бы они ни

были для нас в земной жизни – так же, как мы отрезаем гангренозную часть своего тела. Нельзя забывать, что дух, а не кровь соединяет людей. Посмотрите, сколько родных по крови ненавидят и даже убивают друг друга! И, напротив, совершенно чужие влюбляются, образуют семью и становятся едиными. Единодушие делает одним целым. Дух первичен, а не родство, не плоть, не кровь. Поэтому не будем беспокоиться о страданиях праведников в раю! Не трудно же понять, что *«теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу»* (1Кор. 13:12).

Вот как примерно можно представить себе, что произойдет там. Конечно, это лишь доступные образы, помогающие нам отчасти понять, почему в Царстве Божьем не будет никакого страдания праведников о **добровольно** и окончательно избравших зло и возненавидевших истину, святыню, Бога. В мире ином мы увидим, что все совершается по любви и премудрости Божией, которые бесконечно превосходят все наши предположения и фантазии.

- Можно ли считать, что человек, умерший на Пасху, попадает в рай?

- Хотя кто-то этот вопрос воспримет с улыбкой, на самом деле он не такой уж наивный. Действительно, в народе есть такое устойчивое убеждение, что если Господь дает кому-то умереть на Пасху, то это является знаком того, что он прощен и сподобился Царства Небесного. Возможно, так и есть. Объяснить это можно таким образом. Не потому он спасается, что умер на Пасху, а потому на Пасху умер, что оказался достойным этого за свое правдолюбие, покаяние, искание истины, а тем более за свою праведную жизнь. Иногда говорят – вот неверующий, а умер на Пасху, неужели и он спасется? Евангелие отвечает: а может быть, он был *«праведным разбойником»*, вот Господь и дал ему умереть в это благое время. Но, повторяю, всё это лишь предположения – церковного учения об этом нет.

- Какова участь души солдата, который в момент смерти испытывал ненависть к врагу?

- Естественно, я не могу сказать об участи ни одного человека – об этом знает только Господь.

Мы легко оперируем понятиями «ненависть» или «любовь» – но пусть кто-нибудь опишет мне, что это такое? Ненависть может иметь ой какую степень и какой разброс! Какая ненависть – к своему греху или к соседке, которая мешает мне жить? Любовь тоже бывает от самой преступной до самой возвышенной.

Мы никогда не сможем должным образом судить о духовном и душевном состоянии человека. Поэтому мы полагаемся на волю Божию и говорим: *«Бог ему судья»*.

Но зато есть другие вещи, о которых мы судить можем. Если обратимся к истории христианства, то увидим, что во все времена оно руководствуется (особенно в вопросах войны и мира) таким принципом: *«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих»* (Ин. 15:13). Воины – это как раз те люди, которые первыми идут на смерть за всех остающихся в тылу. Они жертвуют собой. Это первое.

Второе. Не смешивайте двух совершенно разных понятий: гнева и злобы. Есть гнев праведный, а есть злоба – гнев неправедный. Помните, Христос говорил: *«Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем»* (Мф. 11:29). А что Сам сделал в храме? Опрокинул столы и рассыпал деньги торгующих в храме, кнутом изгнал их вон! И объяснил причину Своих действий: *«...дома Отца Моего не делайте домом торговли»* (Ин. 2:16). Вот пример гнева праведного, безгрешного. Почему безгрешного – потому что Христос делал это не по злобе к торговцам, а по святой ненависти к греху, по любви к истине и святости храма. Он не им желал зла, а пресекал развитие зла в верующих. Напротив, кто поступает по злобе, тот, естественно, совершает тяжелый грех, убивает свою душу, кем бы он ни был – солдатом или священником, политиком или богословом. У кого же гнев праведный – тот человек делает великое дело, и тому мы воздаем честь и хвалу. Но на войне конечно же гнев справедливый часто перемешивается с озлобленностью, почему нередко Церковь и налагает на воинов определенные ограничения в причащении. Вот как непросто решать такие вопросы. Мы никогда не знаем, кто что испытывал в момент смерти. Но есть Бог – и видящий и судящий. А мы разве можем судить кого-либо? Нет, конечно.

- Можно ли верить апокалипсису Петра, в котором

описываются мучения грешников в аду?

- Нет, нельзя, как и любой другой апокрифической, неканонической литературе, а также всевозможным листовкам, самочинным и сомнительным книжкам типа «Богом данная» (о схимонахине Макарии), «Духовные беседы и наставления старца Антония», иеромонаха Трифона «Чудеса последнего времени» и другим так называемым духовным изданиям.

- В чем суть поминания усопших милостыней и трапезой?

- В том, что, давая милостыню и устраивая поминальную трапезу (которая является одним из видов той же милостыни), мы отрываем что-то от себя и даем нуждающимся, сомолитвенникам, родным, оказывая тем самым любовь другим людям ради усопшего человека. Уже говорилось, что молитва действительна только тогда, когда сопряжена с **постом**, то есть с ограничением себя, с определенной аскезой, с подавлением своего **ветхого человека**.

Мы даем милостыню ради любви к усопшему. А истинная любовь – это самопожертвование. Здесь, на поминальной трапезе, если она носит христианский характер, и происходит некое жертвование собою, ведь мы отрываем что-то от своего достоинства и даем другим. Поэтому милостыня в этом плане – очень серьезное средство вспомоществования усопшему.

- Объясните, пожалуйста: геенна и чистилище – это одно и то же?

- Геенна и чистилище – это совершенно разные вещи. Чистилище – это, если хотите, чисто богословское изобретение, можно сказать, выдумка католических богословов. Дело в том, что по католическому вероучению для очищения от греха человек должен не только покаяться, но и принести так называемое **удовлетворение** правосудию Божию, которое совершается определенными делами, например милостыней или аскетическим подвигом. Требованием такого **удовлетворения** католические богословы поставили себя в трудное положение. Ведь если, к примеру, человек покаялся, а никаких дел удовлетворения не совершил, то возникает прямо-таки неразрешимая коллизия: его нельзя послать ни в рай (поскольку он не принес удовлетворения), ни в ад (поскольку он покаялся). И

«гениальные» головы богословов придумали **пургаториум** – чистилище, где грешник якобы приносит соответствующее удовлетворение за свои грехи, после чего только может перейти в рай. Вот что такое чистилище в католическом понимании.

В Православии даже намека нет на такие, простите меня, глупости. На мытарствах испытывается состояние души человека, но никакого удовлетворения правде Божией он на них не приносит. Ни о каком чистилище нет и речи.

- Какова участь младенцев, убиенных во время аборта?

- Меня удивляет, что спрашивают о судьбе абортированных **младенцев**, а не о судьбе **матери**. Странная постановка вопроса. Причем тут младенцы?! Они что – согрешили? Они поступили несправедливо? Они нарушили закон Христов? Причем тут младенцы, скажите мне? Эта совершенно неестественная с христианской точки зрения постановка вопроса исходит не от тех, кто писал эту записку, она исходит, увы, от лжеучителей, которые с горящими глазами устрашают: погибнут некрещеные младенцы!

Русь крестилась через тысячу лет после пришествия Христова. И что же, все скончавшиеся дети наших предков погибли, да? Все дети Ветхого Завета – тоже погибли? Дети нехристианских народов – в аду? И в это хотят заставить верить православных христиан? Неужели не ясно, что таинства церковные – это не пропуск, без которого нельзя войти в Царство Небесное, а лишь действенное средство помощи человеку на пути к спасению. Интересно, кто крестил ветхозаветных праведников, благоразумного разбойника, апостолов, саму Божию Матерь, многих мучеников и каким чином: погружением, обливанием, окроплением? Неужели не понятны такие простые вещи?

Ссылка на Блаженного Августина, утверждавшего, что некрещеные младенцы погибнут, не выдерживает критики: ни один из Святых Отцов, по крайней мере восточных, никогда не высказывал подобной мысли. И лишь позднее католическое богословие, взяв на вооружение «августинизм», «канонизировало» это вполне ошибочное воззрение. Видимо, для некоторых современных «учителей» (считаю неэтичным называть их имена) католическое учение ближе, нежели учение

Святых Отцов Церкви.

Для прояснения истины приведу святоотеческие высказывания.

Святитель Григорий Богослов писал, что младенцы «...не принявшие крещения, не будут у праведного Судии ни прославлены, ни наказаны, потому что хотя и не запечатлены, однако же и не худы» [57]. Что значит ни прославлены? Это легко понять на примере воюющей армии. Поскольку слава и награды приличествуют победителям и героям, то прочие воины, как не совершившие особых подвигов, естественно, не получают и славы, но они конечно же и не наказываются. Вот каков смысл его слов.

Современник свт. Григория Богослова **преподобный Ефрем Сирин** высказывал даже убежденность, что все умершие младенцы получают полноту вечного блаженства:

«Хвала Тебе, Боже наш, из уст грудных младенцев и детей, которые, как чистые агнцы в Эдеме, упитываются в Царстве! По сказанному Духом Святым (Иез. 34:14), пасутся они среди деревьев, и Архангел Гавриил – пастырь сих стад. Выше и прекраснее степень их, нежели девственников и святых; они – чада Божию, питомцы Духа Святого. Они – сообщники горних, друзья сынов света, обитатели чистой земли, далекие от земли проклятий. В тот день, когда услышат они глас Сына Божия, возрадуются и возвеселятся кости их, преклонит главу свою свобода, которая не успела еще возмутить дух их. Кратки были дни их на земле; но блюдетсЯ жизнь им в Эдеме; и родителям их всего желательнее приблизиться к их обителям» [58].

Подобной точки зрения придерживался и святитель Григорий Нисский.

Святитель Феофан Затворник:

«А дети – все ангелы Божию суть. Некрещеных, как и всех вне веры сущих, надо предоставлять Божию милосердию. Они не пасынки и не падчерицы Богу. Потому Он знает, что и как в отношении к ним учредить. Путей Божиих бездна!» [59].

Иеромонах Арсений Афонский:

«Касательно младенцев, о коих просят Вас узнать от нас, можно

сказать то, что получившие св. Крещение будут радоваться и блаженствовать на небесах во веки, хотя бы кончину получили и нечаянную. Равно не следует отвергать и тех младенцев, которые родились мертвыми или не успели быть окрещены: они не виноваты, что не получили св. Крещения, а у Отца Небесного обители многи суть, в числе коих есть, конечно, и такие, в которых и таковые младенцы будут покоиться за веру и благочестие верных родителей своих, хотя сами, по неиспытанным судьбам Божиим, и не получили св. Крещения. Так думать не противно религии, о чем свидетельствуют и Святые Отцы в Синаксаре в субботу мясопустную. Молиться за них родители могут с верою в милосердие Божие» [60].

Так что о судьбе младенцев не будем беспокоиться – о них позаботится милостивый Господь, а вот о своих деяниях и о своей судьбе, дорогие родители, давайте задумаемся.

- Как можно молиться за моего родственника-баптиста?

- Известный русский литургист [епископ Афанасий \(Сахаров\)](#) писал в отношении молитв за неправославных христиан: «молиться о неправославных можно и должно». Он считал, что, подавая помянник на панихиду, их имена можно ставить среди православных, и если эти имена иностранные, то, чтобы не смущать людей, изменять их на созвучные им православные («например, вместо «Анция» - «Андрея»»). «Господь, - писал он, - знающий, о ком Вы молитесь, именно тому лицу, которое Вы имели в виду, окажет милость по Вашей молитве». Однако в отношении поминовения на Проскомидии он рассудил таким образом: «Раньше и я поминал на Проскомидии неправославных, а теперь пришел к убеждению, что лучше этого не делать» [61]. Так что молиться за неправославного можно и должно и дома, и в храме. Однако подавать на Проскомидию не следует.

- Известно, что самоубийство - страшнейший грех. Но как быть с тем, что человек, совершивший это преступление, при жизни был совершенным праведником?

- Что значит - был совершенным праведником? Если бы он был таковым, жил по заповедям Божиим, то этого конечно же никогда бы

не сделал. В том-то и дело, что такой человек, следовательно, был неправильным праведником.

Кто это такой - неправильный праведник? Тот, который, может быть, много постится, ходит в храм, принимает Таинства, соблюдает все обряды, а своих внутренних страстей и неспособности победить их собственной силой не видит. У такого человека постепенно растет червячок мнения о себе и вырастает в змия гордыни. Эта праведность ложная - она может привести к самым серьезным последствиям: к прелести, к ереси или самоубийству.

- Каково состояние души человека, умершего мученической смертью, но неотпетого?

- Я удивляюсь, когда встречаю такие вопросы. Что такое отпевание? Это просто одно из молений об усопшем. Откуда же взяли, что если человек не отпет - то он, бедный, погиб. Сколько воинов погибло во время войн? Кто отпел их? А эти погибшие на войне, быть может, выше очень многих из нас, потому что они жизнь свою отдали за нас, пожертвовали собой. Разве можно придавать такое магическое, я бы сказал, значение отпеванию? Отпевание, повторяю, - одно из заупокойных богослужений, а не волшебный ключик в Царствие Божие. Какое-то язычество внедряют в нашу православную веру! Как будто священники - это волшебники или маги: прочитали молитву - спасен умерший, не прочитали - погиб, идет в ад. Конечно, если есть возможность, надо обязательно отпеть усопшего. Но нельзя рассматривать отпевание как неперемнное условие его спасения.

- Мой дядя был удивительный человек: он врач, который помог многим и многим. Смерти же его предшествовала долгая, в течение 10 лет, тяжелейшая болезнь. Умер он после сильных страданий. Могут ли ему вмениться в веру эти добрые дела и страдания? Он крестился уже во время болезни и церковной жизнью не жил.

- Человеку вменяются не страдания и не болезни, а степень осознания им своей греховности, своей духовной нищеты и, отсюда, сила веры в Спасителя. Два разбойника всем нам пример. Страдали оба страшно. Крестные страдания - это жуткие, невыносимые муки. И посмотрите - какие разные пути в вечность у того и другого.

Правому, помните, было сказано: «*Ныне же будешь со Мною в раю*» (Лк. 23:43). А левому – ничего. Итак, дело не в характере страданий, а в том, в какой степени человек осознает свою греховность и как покается.

И сами добрые дела лишь тогда спасительны, когда приводят человека к смирению, к пониманию того, что ни одного доброго дела он не может сделать без греха (тщеславия, расчета, карьеристских соображений, корысти, ожидания похвал, благодарностей, прославления и пр.). В противном случае добрые дела могут привести человека к гордости и духовной гибели.

Возможно, что Господь дал возможность вашему дяде через страдания смириться, понять, что все наши добрые дела – ничто. И это его состояние стало залогом его спасения.

Примечания

1. «И скажу душе моей: душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись» (Лк. 12:19).
2. «Египетская книга мертвых».
3. Гомер. Одиссея. Пер. В. Жуковского. Изд. «Просвещение» С.325. XI,487-491.
4. См.: А.И. Осипов. Ветхозаветная религия. Путь разума в поисках истины. М.: Издательство Сретенского монастыря. 2004.
5. К. Иксуль. Невероятное для многих, но истинное происшествие. «Троицкий цветок». 1910. №58.
6. Цит. по: Тамара Минакина. По ту сторону порога. (www.newcanada.com).
7. Там же.
8. Там же.
9. Ефрем Сирин, св. Рай. Твор. Т.5, «Отчий дом». 1995. С.287.
10. Там же. С.289.
11. Афанасий Великий. Соч. Т.4. М. 1994. С.466.
12. Максим Испов. Творения. Книга 2. Вопросы к Фалассию. Вопрос 42. «Мартис». 1993. С.111.
13. Иоанн Дамаскин, преп. Точное изложение православной веры. М. 1992. С.185(257).

- [14.](#) Свт. Григорий Нисский. Творения, ч.VII. М. 1865. С.522.
- [15.](#) Максим Испов. Творения. Книга 2. Вопросыответы к Фалассию. Вопрос 42. «Мартис». 1994. С.130.
- [16.](#) Цит. по: Тамара Минакина. По ту сторону порога. (www.newscanada.com).
- [17.](#) Преп. Григорий Синаит. Наставление безмолвствующим. Добротолубие. Т.5. М. 1900. С.224.
- [18.](#) Митр. Макарий Московский. Православно-догматическое богословие. СПб. 1883. Т.2. С.538.
- [19.](#) Наставления Антония Великого. Добротолубие. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1992. Т.1, §150. С.90-91.
- [20.](#) Игумен Никон (Воробьев). Письма духовным детям. Свято-Троицкая Сергиева лавра. 1998. С.81.
- [21.](#) Путь немечтательного делания... М. 1999. Письмо №45. С.323.
- [22.](#) Исаак Сириин. О Божественных тайнах и о духовной жизни. Издание Зачатьевского монастыря. М. 1998. Из беседы 40.
- [23.](#) Преп. Иоанн Кассиан Римлянин. Писания. М. 1892. С.445.
- [24.](#) Цит. по: Иеромонах Серафим Роуз. Душа после смерти. М. 1993. С.173.
- [25.](#) Там же.
- [26.](#) Исаак Сириин. Слова подвижнические. М. 1858. Сл.11.
- [27.](#) Н. Бердяев. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. Париж. 1931. С.241.
- [28.](#) Преп. Иоанн Дамаскин. Творения. М. 1997. С.66.
- [29.](#) Исаак Сириин. О Божественных тайнах и о духовной жизни. Беседа 39, §2.
- [30.](#) Там же.
- [31.](#) Там же.
- [32.](#) Там же. §5,6.
- [33.](#) Там же.
- [34.](#) Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т.XI. Кн.2. СПб. М. 1905. С.905
- [35.](#) Сергей Булгаков. Свет Невечерний. Сергиев Посад. М. 1917. С.413-414.
- [36.](#) Святитель Григорий Богослов. Собрание творений: В 2 т. Т.1. Свято-Троицкая Сергиева лавра. 1994. С.543.
- [37.](#) Исаак Сириин. О божественных тайнах и о духовной жизни. Из беседы 41.

38. Исаак Сирийский. Слова подвижнические. Сл.18. С.112.
39. 1Тим.4:10.
40. Исаак Сирийский. Слова подвижнические. Сл.90. С.615.
41. Собрание писем святителя Афанасия (Сахарова). М. 2001. С.272.
42. Цит. по: Митрополит Вениамин (Федченков). Божьи люди (мои духовные встречи). М. 1997. С.147.
43. Св. Иринея Лионский. Творения. Кн.4. СПб. 1900. С.381.
44. Там же.
45. Т.1. Сл.18. СПб. 1912. С.264.
46. Святитель Григорий Богослов. Собрание творений: В 2 т. Т.1. Свято-Троицкая Сергиева лавра. 1994. С.543.
47. Твор. Т.2-3. 1889. С.243.
48. Апология I,46. Сочинения святого Иустина Философа и Мученика. М. 1892. С.76-77.
49. Творения преподобного Максима Исповедника. Кн. II. Вопросы к Фалассию. «Мартис». 1994. С.44 (вопрос 7).
50. Преп. Иоанн Дамаскин. О скончавшихся в вере (PG 95,257AC). Цит. по: Игумен Иларион (Алфеев). Христос - победитель ада. Тема сошествия во ад в восточно-христианской традиции. СПб. 2001. С.325.
51. Цит. по: Архимандрит Амвросий (Погодин). Святой Марк Эфесский и Флорентийская уния. М. 1995. С.61.
52. Обращение Духовного собора Свято-Троицкой Сергиевой лавры по поводу католической экспансии. Вологодская епархиальная газета «Благовестник». 2002. №1-3. С.4.
53. Преп. Иоанн Дамаскин. Творения. М. 1997. С.66.
54. Отцы и учителя Церкви III века. Антология. Т.1. С.244-245.
55. Св. Николай Кавасила. Семь слов о жизни во Христе. М. 1874. С.13.
56. Преп. Исаак Сирийский. Слово 18. Иже во святых отца нашего аввы Исаака Сириянина Слова подвижнические. М. 1993. С.76.
57. Святитель Григорий Богослов. Собрание творений: В 2 т. Т.1. Свято-Троицкая Сергиева лавра. 1994. С.558.
58. Надгробные песнопения, 44 (Блаженство умерших в младенчестве). Цит. по: Святой Ефрем Сирийский. Творения. Т.4. Издательство «Отчий дом». 1995. С.460-461.
59. Письмо 139. Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Собрание писем. Выпуск I и II. Издание Свято-

Успенского Псково-Печерского монастыря и издательства «Паломник». 1994. С.155.

60. Письма в Бозе почившего афонского старца иеромонаха о. Арсения к разным лицам. Изд. Афонского русского Пантелеимонова монастыря. М. 1899. Репринт: Галактика. 1994. С.164 (Письмо №42, вып.3).

61. Собрание писем святителя Афанасия (Сахарова). М. 2001. С.273.